

Александр Ермак

Крейсер «Суворов»

Александр Ермак
Крейсер «Суворов»

«Автор»

2019

Ермак А.

Крейсер «Суворов» / А. Ермак — «Автор», 2019

Роман «Крейсер «Суворов»» рассказывает об испытаниях, которые выпадают на долю восемнадцати-двадцатилетних парней, попадающих в ВМФ. Наступает момент, когда вчерашним подросткам приходится принимать взрослые решения и учиться отстаивать не только свое достоинство и свою жизнь, но также счастье близких и честь Родины. Кем ты вернешься домой и вернешься ли вообще, зависит, прежде всего, от тебя... Книга будет интересна всем, кто интересуется военно-морской тематикой, так как отличается исключительно высокой степенью достоверности приводимой технической и исторической информации, и при этом написана живым, образным языком с использованием «профессионального» морского жаргона. В книге присутствует нецензурная брань!

© Ермак А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

«Корабль к бою и походу приготовить!»	5
«Из Амурского залива одиноко крейсер выходил...»	5
«Поможем вступить в партию...»	13
Затяжной выстрел	21
«Жить можно...»	28
«По морям, по волнам...»	38
«Пройти незамеченными!»	38
«Сердца матросские нежности полны»	52
Полька-бабочка Воронка	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Ермак

Крейсер «Суворов»

«Корабль к бою и походу приготовить!»

«Из Амурского залива одиноко крейсер выходил...»

– Белаш, к особисту!

Вадим положил утюг на подставку и обернулся. За спиной стоял «Слепа» – старший матрос Андрей Слепков. Белаш глянул на него с недовольством. Слепа и отслужил на год меньше, и в звании уступал, да и за человека его никто в кубрике особо не держал. Пухленький, с бегающими глазками «стармос» был из тех, что себе на уме. Всегда старался отвертеться от тяжелых работ. По молодости и печенюшку мог в одиночку схрюпать на глазах у голодных товарищей. А если добудет банку сгущенки и не сможет ее сразу опустошить, то прежде, чем зашкерить куда-нибудь, обязательно внутрь плюнет, чтобы никто не смог доесть.

Так что в другой ситуации у выслужившего все свои три года старшины первой статьи Белаша были бы крепкие основания послать Слепу по всем известному адресу. Но это в другой ситуации. Сейчас руку Слепкова украшала красная повязка с белой полосой. Каждый на корабле «тащит» свой вид дежурства. Слепа «стоял» рассыльным – находился в распоряжении дежурного по кораблю и должен был передавать срочные сообщения офицерам, мичманам или матросам: все, что нельзя доверить общекорабельной радиотрансляции. И вот Слепа смотрит на Вадима и улыбается, знает, что не услышит: «Отвали. Ты меня не видел, не нашел...» Рассыльный должен выполнить приказ – обязательно найти Белаша и доложить дежурному офицеру о том, что поручение выполнено.

Вадим молчал. Ничего не говорили и «повисшие» на иллюминаторах «годки» Белаша – матросы одного с ним призыва. Развлекаясь, они ловили рыбу прямо из кубрика. Вода в бухте Золотой рог мутная, сюда стекает и грязь с улиц Владивостока, и дерьмо со всех кораблей, стоящих на внутреннем рейде и у стенки. Всей этой дрянью питается местная «флора-фауна»: минтай, камбала, бычки. Поэтому есть их категорически не полезно. Ловят ребята грязную живность и обратно за борт бросают.

И вот, только что вскрикивали друзья-товарищи:

– Клюет!

– Сорвался!

– Не зевай!..

А теперь все замолкли разом. Ждут ответа. А что Белаш может сказать в такой ситуации? Особист – это... особист.

– Где он? – Вадим обратился к рассыльному. – В дежурной рубке?

– Не-а, – Слепа еще шире растянул улыбающийся рот, – у себя в каюте...

– Че скалишься? – нахмурился Белаш.

Рассыльный тут же опустил серые, близкопосаженные глазенки, сделал обиженно-удивленное лицо:

– Я не скалюсь. Тебе показалось. Я ни че...

Вадим не стал докапываться до Слепы. Подумал о том, что если бы особист находился в дежурной рубке, то это означало: дело касается какой-то мелочи, о которой можно поговорить при всех. Но раз офицер особого отдела приглашает к себе в каюту, значит, состоится неспешный разговор наедине. И сегодня у них с особистом точно будет уже очень непростая беседа.

Белаш повернулся спиной к Слепе. Снова взялся за утюг. Он готовился к увольнению в город и заканчивал гладить брюки. Невовремя появился Слепа.

Еще несколько движений и Вадим отставил утюг, оглядел себя в висевшем на переборке над гладильной доской зеркале: коренастый, метр семьдесят пять, округлое чистое лицо, курносый, карие глаза, густые, черные брови. Дождались бы только сегодня такого симпатичного моряка девчонки на берегу...

Прищурился: начал осматривать себя глазами придирчивого помощника командира корабля, который отвечал за сход на берег. Но «докопаться» до чего-либо было сложно: нормально ребята подстригли ручной машинкой. Короче уже некуда – не молодой «карась» все-таки, чтоб наголо стричься. Провел рукой по щеке: и побрился чисто, не найти щетины, как ни ищи. А усы – обязательная «лицевая принадлежность» отслужившего более двух лет «годка» – уставом не запрещены.

Он был полностью готов к увольнению, но, похоже, не помогут ни стрелки на брюках, ни блеск «хромачей» и выбритых, пахнущих одеколоном «Для мужчин» щек. Особист может легко «рубануть» увольнение.

Глянув на часы, Белаш подумал о том, что может быть все-таки стоит послать Слепу по адресу и спокойно догладиться, пойти на ют, а в каюту вызвавшего его офицера заглянуть уже после возвращения из города. Тогда и разговор, возможно, другой выйдет.

Но Вадим с ходу отмел эту мысль, понимая, что особист не зря послал рассыльного именно сейчас. У этого офицера тоже есть список увольняемых на берег. Пробежался особист взглядом по перечню фамилий и послал Слепу за Вадимом. Даже если сейчас Белаш не явится пред светлы очи старшего – «страшного» – лейтенанта Морозова, то тот просто выйдет на ют, услышав команду «Увольняемым на берег построиться...» Прогуляется вдоль строя, оглядит всех и выпенит взглядом, спросит:

– А почему вы – старшина первой статьи Белаш – не пришли, когда я вас вызывал к себе?

Что ему скажет Вадим? Отбрехаться не получится, и, значит, придется идти к Морозову сейчас. До увольнения.

– Белаш, смотри, смотри! – закричал кто-то из висящих на иллюминаторах.

Вадим подумал, что ребята поймали очередного дальневосточного бычка – похожую на черта крупную коричневую рогатую рыбину, вставили ему в рот лампочку и отпустили. В таком случае короткое, толстое тело, состоящее из одного лишь, всегда набитого какой-нибудь дрянью, живота, не погружается в воду, а летит по поверхности, как торпеда, веселя наблюдающих за ним матросов.

Белаш глянул через плечо. Нет, не бычок. Ребята вытащили позарившегося на рыбную наживку краба-паука:

– Белаш, смотри, смотри! А?! – протягивают ему пойманное членистоногое.

Они знают, что крабы-пауки вызывают у Вадима отвращение. Его чуть ли не трясет от одного лишь вида этих тварей. Покрытые мерзкими коричневыми волосками, они перебирают длинными тонкими лапками и тянутся, тянутся узкими клешнями.

Этот экземпляр показался Белашу таким же гадким, как и все видимые им ранее. Стараясь казаться как можно более равнодушным, Вадим снова отвернул голову к зеркалу и гладильной доске:

– Да идите вы...

Ребята заржали, бросили краба за борт.

– Так что, идешь, Белаш? – снова подал голос Слепа, которому пора было возвращаться в дежурную рубку.

Вадим не успел ответить: послышались звуки колоколов громкого боя – два коротких звонка. Еще раз. И еще раз. И тут же по трансляции раздалась дублирующая команда дежурного по кораблю:

– «Корабль к бою и походу приготовить!»

– Твою мать! – выругался Белаш.

Вот теперь его увольнение точно накрылось. Но и визит к Морозову тоже откладывался.

Кубрик вмиг опустел. Кто-то бросился в центральный артиллерийский пост, кто-то – в боевую рубку, кто-то – в агрегатную, Белаш – в свой носовой командно-дальномерный пост, который называют «глазами корабля». НКДП находится на самой высокой седьмой площадке корабля – выше только антенны и чайки. За две нормативные минуты Вадим должен успеть пробежать по верхней палубе, по всем узким трапам, чтобы занять свое место и начать действовать согласно предписанию книжки «Боевой номер»: «Открываю НКДП с правого борта. Переключатель 10-Д-НКДП устанавливаю в положение, скомандованное управляющим огнем...»

Из соседнего с дальномерщиками-визирщиками кубрика выбежали боцмана, на которых лежит особая обязанность по швартовке и отшвартовке. Из двух следующих кубриков, где живут комендоры первой и второй башен главного калибра, никто не рванул на верхнюю палубу или в «низа». У корабельных артиллеристов есть вход в башенное пространство прямо из своего жилого помещения. Комендоры просто попрыгали за дверь-«броняшку», быстро сосредоточились по боевым постам.

Место наводчика левого орудия первой башни главного калибра занял Олег Темнов. Он несколько не огорчился, услышав сигнал «Корабль к бою и походу приготовить!». В увольнение не собирался. Сидел себе в кубрике на рундуке и глядел на лист бумаги в клеточку. На нем было написано:

«Привет!

У меня все хорошо. А по поводу нашего разговора вот что я решил...»

Вот только то, что именно решил, дописать никак не удавалось. Олег пыхтел, грыз кончик шариковой ручки, засовывал его то в нос, то в ухо, а еще постукивал им по затылку, хмурился, снова и снова заносил руку, чтобы вывести буквы, но рука тянулась не к бумаге. В конце концов, отложив авторучку, достал из нагрудного кармана книжку «Боевой номер». Глянув по сторонам и убедившись, что на него никто не смотрит, вытащил из-за кальки-обертки свившийся колечком черный волосок. Осторожно взял его двумя пальцами. Провел им по щеке. Почувствовал, как сразу стало мало воздуха в груди. Захотелось закрыть глаза и снова вспомнить, почувствовать. Темнов уже не был уверен, действительно ли он все решил. Снова и снова проводил волоском по щеке, спрашивая себя: «да» или «нет». И не мог ответить.

Поэтому-то Олег и не огорчился, когда прозвучали колокола громкого боя. Услышав их, аккуратно сунул черный волосок обратно за кальку-обложку, саму книжку «Боевой номер» – в нагрудный карман, недописанное письмо – в карман рабочих брюк. Минута, и он уже на своем боевом посту. Как и положено, быстро осмотрел приборы, провернул орудие в электрическую. Каждый день на корабле матросы проворачивают орудия, все механизмы и устройства. Услышав команду «Начать осмотр и проверку оружия и технических средств», прокручивают все приводы, сдвигают подвижные части, чтобы ничего не ржавело и не «прикипало». Заодно механизмы чистятся от грязи, смазываются и подкрашиваются. Проворачивается все как вручную, так и в электрическую, как по специальной утренней команде, так и во время подготовки к выходу в море.

После выполнения обязательной операции Олег снова вернулся мыслями к недописанному письму. Молодым башенным матросам, у которых дел по горло, недосуг было удивляться задумчивому виду Темнова. «Годки» же давно привыкли, что он подолгу молчит, уходит в себя. А о чем думает, не говорит – «темный» он. Так и звали Олега друзья-товарищи на корабле: сразу и по фамилии, и потому что непонятно, что у него на уме – «Темный».

Нашупав бумажный листок в кармане, Олег снова вспомнил те несколько слов, которые успел написать. Но повторять их в голове не хотелось. О предстоящем «бое и походе» Темнову думать тоже было не очень приятно, потому что выход в море мог означать очеред-

ные стрельбы. А он – комендор дивизиона главного калибра – ненавидит и их, и даже сам запах пороха. Олег часто вспоминал родной Куйбышев, который все на старый лад называют Самарой, свое детство во дворе между новенькими кирпичными пятиэтажками. Вспоминал, что, как и все соседские пацаны, мастерил себе рогатки, луки, из которых стреляли по нарисованным на стенах домов мишеням. Потом друзья научили его делать бомбочки из марганцовки, добываемой в домашней аптечке, и магия, найденного на заводской свалке. И это было здорово: смотреть на яркую вспышку, вздрагивать от сильного хлопка. Чуть позже они стали делать «поджиги» – самодельные ружья из медных трубок и деревяшек. Стреляли из них по банкам и воробьям, как из настоящих винтовок. Но во время очередного выстрела ствол «поджига» разорвался прямо в руках одноклассника Темнова. Хлынула кровь. Два пальца упали на землю...

После этого случая Олег забросил пиротехнику, а когда пришла повестка из военкомата, молил бога, чтобы его направили куда угодно, но только подальше от любого оружия. Темнов знал, что есть много военных специальностей, где не надо иметь дело с порохом, взрывчаткой: можно шоферить на машине, копать траншеи, наконец, свиней растить в подсобном военном хозяйстве. Поэтому обрадовался, когда взяли на флот – думал, что будет на корабле каким-нибудь боцманом, штурманом или кочегаром. И в подтверждение его ожиданий названия учебных отрядов на Русском острове, куда его привезли вместе с другими новобранцами, звучали вполне обнадеживающе: школа связи, школа механиков, школа баталеров...

Олега, однако, осмотрев со всех сторон и похлопав по мощным плечам, направили по другому адресу:

– Метр восемьдесят пять... Десяносто два килограмма... Хронических болезней нет... Здоровый, черт! В школу оружия его! В комендоры!

В своем первом взводе второй роты комендоров главного калибра он, наверное, был единственным, кто переживал по поводу такого направления. Потому что все остальные с радостью обсуждали:

- Раз главный калибр, значит, на крейсер попадем...
- На «Сенявин» или на «Суворый»...
- Не «Суворый», а «Суворов»...
- На какой лучше?
- Все равно, на какой, лишь бы на крейсер...

Это им сначала было все равно, на какой. После одного из учебных занятий слово «Сенявин» начало вызывать дрожь в коленях. На крейсер с этим именем уже никто не хотел идти служить. И все-таки после окончания «учебки» несколько человек из их роты «загремели» именно на «Сенявин», который стоял во Владивостокском судоремонтном заводе. Ну, а Темнову «подфартило» – попал на «Суворов».

На корабле он всячески скрывал свой страх перед оружием. Знал, что как только кто-то узнает о нем, то сразу расскажет всем, и начнется постоянное подкалывание, издевательство. Поэтому, даже находясь рядом с орудием, глядя на снаряды с тротилом и заряды с порохом, Олег всегда был внешне спокоен. И сейчас никто бы не догадался, что он думает о возможно предстоящих стрельбах.

– Темнов, заснул?! – проорали над ухом Олега. – Кто за тебя орудие будет проворачивать вручную?!

Это был голос старшего лейтенанта Сапонины. Молодой командир башни все еще рьяно относился к службе. Вот и сейчас принялся «накручивать» по очереди всех подчиненных.

Темнов надеялся, что обойдется одним, уже выполненным проворачиванием в электрическую, но теперь – делать нечего – придется вручную гнать орудие на максимальный угол возвышения, а затем опускать вниз до упора. После электрического проворачивания механизмов это так – лишняя работа, продельваемая лишь для поддержания физической формы навод-

чика. Но у Олега с мышцами все в порядке: каждый день тягает в кубрике двухпудовую гирию. Просто ради удовольствия. Ну, и от нечего делать.

Он оглянулся. Самому поднимать и опускать орудие вручную было лень. Досылающий – здоровенный, белесый, конопатый татарин Гариффулин, Гриф, и длинный, плотный как торпеда замочный Карманчук, Карман, из его расчета на роль проворачивающих не подходили. Они оба отслужили уже по два с половиной года, на целых шесть месяцев больше Темнова. Эти два «товарища» «годковали» по полной: бухали одеколон, шарахались по кораблю, по пути избивая молодых матросов и отбирая у них новые тельники и ленточки к бескозыркам, которые невозможно купить ни в корабельной лавке, ни в магазине на берегу. «Годки» из других подразделений старались также не попадать им под пьяную руку. Даже офицеры побаивались эту парочку. Однажды пьяные Гриф с Карманом толкнули дежурного по кораблю так, что тот разбил голову о «шконку». Преследуемая отрядом мичманов и офицеров парочка заперлась в одной из кладовых, и выкуривать ее оттуда пришлось дымовой шашкой. В наказание обоих отправили в летний карцер на верхней палубе (в январе) и, чтобы протрезвить, поливали забортной водой из брандспойта. Другие бы на месте Грифа с Карманом простыли и заболели. А этим хоть бы хны – здоровья немерено. Только ума нет. Но терпит их командование, сор из избы не выносит.

Когда Олег появился на «Суворова», то с обоими пришлось выяснять отношения. Крови пролилось много. И казалось, драться они будут до последнего совместного дня на корабле. Но после случая с затяжным выстрелом, про который Темнов тоже не любил вспоминать, Гриф с Карманом оставили его в покое. Тем более что вокруг было много тех, над кем поиздеваться можно совершенно безнаказанно.

– Але, стекольщик! – Олег заметил ноги «карася», сидящего за трубой дальномера под самым потолком-«подволоком» башни. – Давай сюда! Разомнись!

Щуплый «карась» из отделения Белаша с трудом, но провернул орудие. Темнов отвесил ему полагающийся подзатыльник и отпустил обратно к дальномеру:

– Ржавчины нигде нет?! Смотри, найду, ночевать у меня здесь будешь!

«Стекольщик» тут же старательно чем-то заскреб, а Олег потянулся к нагрудному карману. Но, заметив движение собственной руки, остановил себя – все-таки не время и не место.

Корабль задрожал. Машина, питаемая паром из котлов, начала раскручивать вал, который вращает лопасти винтов. Значит, скоро корабль отдаст швартовы и отвалит от стенки. Темнов вздохнул, снова подумав о том, что куда бы ни пошел корабль, но лишь бы обошлось без стрельбы. Служить Олегу осталось всего год. И он желал провести предстоящие двенадцать месяцев «годка» как можно безмятежнее: проспять, проиграть в карты, как-нибудь проваландать.

А у матроса Сергея Воронко все еще только начиналось. Он не покинул кубрик по сигналу «Корабль к бою и походу приготовить!», когда все члены музыкальной команды разбежались по своим постам. Сергей провел на корабле всего несколько дней. Не сдал еще ни одного допуска и поэтому не мог исполнять своих обязанностей на боевом посту, даже дежурить по жилому помещению не имел права. Но на выходе из кубрика один из «годков» махнул рукой дневальному:

– Корыто, бегом на пост! Воронок останется за тебя. Пусть привыкает...

Корытов стянул с предплечья синюю повязку, бросил ее на рундуки и презрительно глянул на Сергея:

– Дневаль, – выскочил из кубрика, но через мгновение снова мелькнул в дверном проеме. – «Люмитеры» не забудь!

Воронок остался в кубрике в одиночестве. Глянул в пустой коридор и как будто увидел в полумраке фигуру: «Люмитеры не забудь!». Бросился к иллюминаторам: их по любой тревоге нужно обязательно задрать.

Сначала Сергей вставлял в бортовое круглое отверстие-окошко специальный щиток – затемнитель. Затем опускал толстое круглое стекло, а сверху него – массивную металлическую «броняшку». Затемнитель ночью не позволяет кораблю выдать себя противнику светом и также защищает стекло во время шторма. Стальная же «броняшка» не дает во время боя залететь осколкам и пулям внутрь кубрика.

После того как все части иллюминатора встанут на свои места, его нужно закрепить, притянуть «броняшку» к борту медными барашками. У каждого из них два плоских ушка-рожка, за которые можно быстро затягивать винт по резьбе. Крутить барашки не трудно, но только тогда, когда резьба на них чистая, смазанная, расхоженная. Поэтому каждый день ее нужно чистить нитью и смазывать. А сам медный барашек полагается надраивать до зеркального блеска. Отвечают за блеск и само наличие барашков на местах приборщику кубрика. Ну, и еще дневальный из числа молодых матросов, которому барашки на ночь даются на чистку: чтоб не спал – делом занимался.

Хотя резьба была чистой и расхоженной, Сергей не без труда затянул барашки своими слабыми «музыкальными» пальцами. Из последнего закрываемого иллюминатора он увидел Владивосток. Вернее его окраину – судоремонтный завод. Подумал: хорошо б, чтоб крейсер отправился не туда. С первого своего дня на корабле Сергей только и слышал, что «Суворов» могут поставить то ли на ремонт, то ли вообще на консервацию.

«Годки» в разговорах между собой удивлялись:

– Странно, что еще никому не известно, куда мы пойдем в ближайшее время. Писаря или рассыльные, если б знали, давно бы нам рассказали. А так... ничего не понятно...

Если крейсер поставят в судоремонтный завод, то это как раз в тот, который Воронок видел в задраиваемый иллюминатор. В таком случае служить Сергею дальше здесь во Владивостоке и какое-то время жить на корабле без выхода в море.

Но вполне могло быть, что после того, как корабль отвалит от стенки, он просто станет на рейд: освободит место у причала для какого-то другого, срочно нуждающегося в нем корабля. Возможно, крейсер ожидает и просто учение: отшвартовались – пришвартовались. «Годки» говорили, что так бывает: встанут на рейд тут же рядом с городом или перейдут чуть подальше – в бухту Патрокл, а потом вернутся к стенке во «Владик».

Вполне вероятно было и то, что двинут дальше – погонят корабль на консервацию в Советскую Гавань. Тогда сегодняшний выход в море окажется для Воронка, скорее всего, единственным за всю его военно-морскую службу, за все предстоящие три года.

По рассказам «годков», все будет так: корабль выйдет сначала из Амурского залива, затем из залива Петра Великого, пересечет кусочек Японского моря и войдет в Татарский пролив, отделяющий Сахалин от большой земли, а там уже останется чуть-чуть до места назначения. На восточной окраине материка находится город-порт Советская Гавань, имеющий большую длинную бухту. На ее берегах несколько – рыбацких и военных – поселков. В бухте полно скрытых от лишних взглядов заливов – «шхер» или «шкер», как зовут их на Тихоокеанском флоте. В них поставлены на консервацию ненужные в мирное время боевые корабли. С «консервов» сняты ракеты и снаряды, слито топливо. Основные агрегаты и вооружение на таких кораблях покрыто толстым слоем специальной защитной смазки. Экипаж на «консервах» сокращен. Вся служба оставшихся на борту матросов состоит в охране «коробки» да в обновлении смазки. Нижняя часть «консервов», находящаяся под водой, постепенно гниет. Так что, если корабль не будет востребован флотом для активных действий и ремонтироваться время от времени в сухом доке, то он может так и сгнить, не сходя с места. В один прекрасный день остатки экипажа расформируют, а саму «коробку» отправят в утилизацию металлолома – «на иголки».

Что расскажешь после ДМБ – демобилизации – о такой службе? Как провожал взглядом боевые, настоящие корабли, выходящие в океан на учения? Или будешь врать про дальние походы, показывая как бы свои фотографии, которые на самом деле отпечатаны с оставленных

«годками» негативов? Настоящий матрос – только тот, кто действительно бороздил моря и океаны...

– «Дежурной и вахтенной службам заступить по-походному!» – донеслось из динамика корабельной трансляции.

«По-походному...», – повторил про себя Воронок, – Звучит-то как! Лишь бы не на консервацию. В море! Тогда и, правда, будет, о чем рассказать...»

Он представил, как, раскрыв рты, его будут слушать в родной деревне. Никто и никогда в Луковке не служил на море. А Воронок попал на сам Тихоокеанский флот. Как говорят: «Северный флот – сильный флот! Тихоокеанский флот – тоже флот! Балтийский флот – бывший флот! Черноморский флот – чи флот, чи не флот...» К тому же Воронок попал на «Александр Суворов». О подобных кораблях даже песни слагают. Текст одной из них про точно такой же крейсер с названием «Сенявин» Сергей прочитал в тетрадке Корята. Тот дал ему записи для ознакомления с репертуаром. Пока никого не было в кубрике, Воронок решил перечитать ее еще раз:

«Над Владивостоком ночь спустилась,
И печальный дождик слезы лил.
Только из Амурского залива
Одиноко крейсер выходил.

И почти крылом волны касаясь,
Чайки проносились за кормой.
Парни на «Сенявине» не знали,
Что поход закончится бедой.

Им не в первый раз стрелять по цели,
Поражать мишени не впервой.
Башенный матрос кричит с улыбкой:
«Отстреляем, братцы, и домой!»

Вот и в ствол снаряд уже заходит.
Вот звучит команда и «Огонь!»
Но снаряд из башни не выходит.
Внутри башни разорвался он.

Море не забудет грома взрыва.
Море не забудет чаек стон.
Как и не забыть тому матросу,
Сколько жизней погубил лишь он.

Над Владивостоком снова утро.
Из-за сопки солнца диск встает.
Только 37 матросов этих
Не увидят больше тот восход.

Им родного дома не увидеть.
И любимых им не целовать.
Только уж их бывший призыв
Будет за них чарки поднимать...»

В этот раз Сергей читал текст песни уже не с прежним интересом и любопытством. Воронок начал ощущать непонятное беспокойство...

«Поможем вступить в партию...»

Прежде чем задраить за собой «броняшку» КДП, Белаш огляделся: все ли уже внутри. В центре квадратного помещения на круглой вращающейся тумбе сидел, немного сгорбившись, длинный и худощавый командир отделения визирщиков Костя Пасько – друг Вадима. С ним они по «карасевской» молодости прошли и Русский остров, и на «Суворове» бачковали один бак, и приборку во флагманском отсеке вместе делали, и прикрывали друг друга перед «годками» и офицерами, когда требовалось.

В правом углу КДП что-то выглядывал в окуляр малорослый Славка Стариков – «Старик». Он отвечает за горизонтальную наводку: разворачивает по необходимости влево или вправо «избушку на курьих ножках», как они ласково называли свой железный «домик».

Слева, на вертикальной наводке дальномеров – Шушко или просто «Шуша»: смуглый, светлый, не очень умный, но безобидный парень, который только-только стал «годком».

– Одни хохлы у меня в посту, – смеялся иногда Белаш. – Пасько, Шушко, да и у меня в крови тоже кое-что от бабки-украинки имеется.

Шуша действительно был родом с Днепропетровщины и чередовал русские слова с украинскими. А вот Пасько «хохляцких» корней не признавал и свою национальную принадлежность определял как «сибиряк»: родился, жил и вырос в Новосибирске.

Все в КДП были в сборе, пустовало лишь место управляющего огнем. Непосредственного начальника командира носовой группы управления старшего лейтенанта Дорохова они видели обычно только на построении. Иногда он еще заглядывал в кубрик, а согласно боевому расписанию находился в центральном посту управления огнем под бронированным поясом второй нижней палубы. К ним же в КДП поднимался сам управляющий огнем «Карабас» – командир дивизиона главного калибра капитан-лейтенант Гарашко. Кличку ему дали за то, что был похож на «Карабаса-барабаса» из сказки «Буратино»: невысокий, весьма упитанный и бородатый. В руке – всегда цепочка, как бы для связки ключей. Этой цепочкой бьет он матросов по рукам и спинам, подгоняя или наказывая, как будто и правда Карабас-барабас стегает своих артистов в кукольном театре. Ни увольнения, ни отпуска, ни просто доброго слова от такого комдива не дождешься.

То, что в посту есть офицер, конечно, не радовало. Но Карабас был нечастым гостем КДП. Его комплекция мешала преодолевать десятки балясин трапов и узкие горловины люков на площадках. Так что добирался комдив до КДП не по каждой тревоге. Чаще отсиживался в том же центральном посту вместе с командиром группы. Туда и идти ближе, и места там больше, и «климат» комфортнее: кондиционеры одну и ту же нужную для автомата стрельбы температуру поддерживают, так как эта электромеханическая машинка размером с грузовик весьма капризна. Больше десятка матросов обслуживают ее. Автомат ремонтируют, «профилактируют» и самым натуральным образом пылинки с него сдувают. Очень важная штука. В него поступают оптические данные из КДП и электронные из поста радиометристов: дистанция, курс на цель, отклонения упавших снарядов. К этому добавляются курс и скорость самого крейсера, сила и направление ветра, температура воздуха и влажность снаружи корабля, а также температура воздуха и влажность внутри артиллерийских погребов, которые влияют на мощность сгораемого в зарядах пороха... Все данные обрабатываются в центральном посту и на их основе в орудийные башни главного калибра выдаются точные целеуказания для стрельбы.

Иногда Карабас решается добраться до КДП, но, запыхавшись, не добежав, остается в боевой рубке, где также есть визирный пост его подчиненных. И уж только тогда, когда его присутствие на седьмой площадке совершенно необходимо, то, сопя и пыхтя, добирается он до места управляющего стрельбой. Сядет рядом с Пасько за визир, уткнется лбом в свой окуляр

и храпит. Пока Гарашко спит, можно потихоньку открыть над головой «грибок» вентиляшки и спокойно покурить, пряча огонек сигареты за дальномером. Комдив сам курит, так что запах не замечает. Похрюкивает себе с закрытыми глазами до тех пор, пока не прозвучит отбой тревоги. Еще ему приходится просыпаться, если идет ответственная тренировка или практическая стрельба. Тогда ему уже кемарить никак нельзя, нужно командовать:

– Орудия товсь!.. Ревун!... Товсь!.. Ревун!...

«Товсь» – это традиционное на флоте сокращение от «готовсь». На кораблях часто сокращают слова, чтобы быстрее обмениваться информацией и принимать решения. При обращении к любому офицеру никто из матросов не называет полного звания: только «та-ша». Это и «товарищ лейтенант», и «товарищ капитан первого ранга». Сказал «та-ша» и тут же изложил суть дела...

Белаш залез за свой дальномер – толстую восьмиметровую трубу, напичканную оптикой. Глянул в окуляры, крутанул маховички, проследив, как метка измерения дистанции побежала вдаль, – все в порядке. Да и что могло случиться с дальномером за несколько часов, прошедших после утреннего проворачивания.

Он еще раз посмотрел на своих товарищей. Все находящиеся в посту – «годки». Пасько также отслужил свои три. Старик – два с половиной. Шуша – два. КДП – это уютный островок свободы, далекий ото всех: как от начальства, так и от матросов других подразделений. Если сам комдив не каждый раз добегают до седьмой площадки, то что говорить о прочих офицерах. Кому охота лезть по нескольким трапам в чужой пост. Белаш отслужил три года, и за это время ни разу к ним не забирался ни командир корабля, ни старпом. Только изредка, «профилактично», наведывается командир группы Дорохов, и по некоторым тревогам приползает Карабас. Еще пару раз заглядывал замполит дивизиона – молодому лейтенанту, только пришедшему на крейсер, все было в диковинку: под видом интереса к матросской жизни на экскурсию приходил.

«Караси» из команды Белаша в КДП не служат, их сюда только на приборку и покраску зовут. А так они рассредоточены по менее уютным боевым постам. Часть находится в первой и второй башнях главного калибра, часть – в боевой рубке вместе с кучей матросов, мичманов и офицеров из других подразделений. В башнях здоровенные артиллеристы, имеющее дело с тяжелыми снарядами и с трудом проворачиваемыми механизмами, зовут приданных им дальномерщиков-визирщиков «стекольщиками» и при случае всегда готовы поизмываться над «интеллигентами». Белаш сам полтора года отсидел за дальномером во второй башне и знал, каково оно – быть «чужаком».

Но такое рассредоточение очень разумно. Если сломается что-то в КДП или разрушат его снарядом-ракетой враги, то можно будет выдавать данные для стрельбы из боевой рубки. Если и с ней пропадет связь, то каждая артиллерийская башня в состоянии самостоятельно определять направление и дистанцию для выстрелов своих орудий. Теоретически. Потому что, как знал Белаш, ни в первой башне, ни во второй ни один оптический прибор не работает. Вышли «стекляшки» из строя настолько, что силами матросов не исправить. Только в судоремонтном заводе гражданские специалисты могут отремонтировать.

И в четвертой башне вся оптика в нерабочем состоянии. Про третью Белаш ничего сказать не мог, она была законсервирована на период мирного времени.

В дублирующем кормовом КДП, которое полностью укомплектовано личным составом, как и в башнях, приборы расстроены. Так что, получается: из всей оптики, обслуживающей орудия главного калибра, только носовое КДП и находится в боевой готовности. Если что случится, то в какой-то степени заменить его работу могут лишь артиллерийские радиометристы. Они выдают целеуказания с помощью радиолокационных станций. Эти штуки работают, правда, только пока целы антенны и есть электрический ток. А оптика работает до прямого попадания. Если изначально работает...

Белаш вздыхал, задумываясь об уровне общей боевой готовности корабля, хотя, конечно, вздыхать должны были в первую очередь «отцы-командиры». Утешался же он тем, что по крайней мере его носовой КДП полностью укомплектован, все оборудование в исправности, настроено и отлично работает. Радоваться бы ему и радоваться, но...

Пасько, посмотрев на Белаша, кивнул:

– Че такой смурной?

За Вадима очень спокойно ответил всегда невозмутимый Старик:

– У него увольнение обломилось...

Шуша добавил:

– И особист вызвал...

Услышав последнее, Пасько, которого не было в кубрике при появлении рассыльного, поморщился:

– Забыл сказать: и меня вчера, гад, опять вызывал. Про всех в КДП, в кубрике нашем спрашивал. Ну, я, как всегда, сказал, что ничего особенного не замечено, но буду очень внимателен. Вышел от него и забыл...

– Это он Белаша точно из-за Чекина таскает, – убежденно заметил Старик.

Шуша тут же поддакнул:

– Да-да, точно. Слепа, сука, стучит...

– Без Слепы, конечно, не обошлось, – согласился Пасько, почесав затылок.

– Чекин сам, наверняка, раскололся, – предположил Старик.

Белаш вздохнул:

– Наверняка.

Он знал, что дело не в одном только Чекине. Все было у Вадима нормально по «особой линии» целых три года. На корабле за нее раньше другой офицер отвечал. Белаш с ним пересекался, только когда заступал рассыльным по кораблю: по приказу приносил особисту требуемые документы от других офицеров или искал-приглашал в каюту нужных по какому-то делу матросов, так же, как сейчас это делает Слепа.

Тот, «старый» обитатель известной каюты – рыжий, крепкий капитан-лейтенант Рощин, – ни разу не вызывал Белаша на личную беседу. Когда Вадим заходил к особисту по делам, тот лишь иногда интересовался, как поживают домашние: «Отец, мать не болеют?». Никогда не расспрашивал Белаша о матросских делах. Может быть, потому что и без Вадима знал все, что ему нужно было знать. А может, просто быстро понял, что этот матрос стучать на своих товарищей не будет. Но не так давно перевели Рощина в штаб флота на повышение. Его сменил худошавый, со светлыми жидкими волосами и тоненькими усиками старший лейтенант Морозов. Он с ходу весьма энергично принялся за свою особую службу. Никто из офицеров не рисковал остудить пыл молодого «старлея», да даже и пошутить в его адрес. Особист на корабле – фигура специфическая: никому он не подчиняется, даже самому командиру крейсера. У Морозова свое начальство – на берегу.

Буквально на следующий же день после прибытия на корабль в каюту особиста рассыльный стал вызывать по списку весь личный состав экипажа. Сначала пошли офицеры. Потом мичманы, старшины, матросы. Рассыльный только успевал летать по кубрикам:

– Стариков, к особисту!

– Пасько, к особисту!

– Хвостов, к особисту!

– ... к особисту, ... к особисту, ... к особисту!..

Белашу казалось, что было бы проще вызывать целые подразделения и выстраивать в коридоре шкафута по правому борту. В нем особист соседствовал каютами со старшим помощником командира корабля. «Квартира» особиста была просторной, с иллюминатором. Такие

на корабле есть только у старших офицеров. Лейтенанты же всякие живут по двое в каютах на нижних палубах. Света белого не видят и воздухом из вентиляции дышат.

Сначала всех вызываемых матросов по возвращению от особиста спрашивали из любопытства:

– Че ему надо? Зачем таскал?

Но потом перестали обращать внимание на эти вызовы, потому что Морозов говорил всем одно и то же:

– Заходи, присаживайся. Вот в чем суть вопроса: нужно служить интересам Родины. Будешь рассказывать мне о том, кто, где, зачем собирается, о чем вокруг тебя говорят, что обсуждают земляки, друзья, матросы твоего призыва. Ты же комсомолец?!

Кто же не комсомолец? Еще в школе всех из пионеров в члены ВЛКСМ перевели автоматически, чтобы процент сознательности был максимальным. Если кто случайно или по очень большой провинности избежал окомсомоливания на «гражданке», то его в первые же полгода службы в обязательном порядке в комсомольскую организацию принимали. Не может быть на флоте некомсомольцев. Процент сознательности и здесь должен получиться максимальным.

Так что все согласно кивали:

– Комсомолец.

Услышав это, Морозов удовлетворенно поднимал указательный палец, целя им в висящий на переборке портрет генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева:

– Так вот, товарищ комсомолец, требуется твоя добровольная помощь. И учти: будешь хорошо помогать особому отделу и Родине – поможем в партию вступить...

Когда Белаш услышал эти слова, то его внутренне передернуло. Таким макаром его впервые агитировали вступить в ряды коммунистической партии Советского союза. Да, его уже звали в КПСС. Белаш был на хорошем счету у начальства. Еще бы: командир дальномерно-визирной команды, старшина первой статьи, специалист первого класса, отличник боевой и политической подготовки, помощник руководителя политических занятий старшинского состава плюс минимальный уровень залетов по пьянкам и прочим безобразиям. Так что его давно уже обрабатывали и пропагандист-агитатор, и заместитель командира корабля по политической части, который одновременно являлся парторгом экипажа:

– Подавай заявление. Год будешь кандидатом и еще до окончания службы станешь членом партии. Имей в виду: на гражданке вступить в КПСС будет сложнее.

Конечно, Вадим серьезно задумывался о том, чтобы стать коммунистом. Даже прочитал устав КПСС:

«Коммунистическая партия Советского Союза – есть боевой испытанный авангард советского народа, объединяющий на добровольных началах передовую, наиболее сознательную часть рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции СССР.

1. Членом КПСС может быть любой гражданин Советского Союза, признающий Программу и Устав партии, активно участвующий в строительстве коммунизма, работающий в одной из партийных организаций, выполняющий решения партии и уплачивающий членские взносы.

2. Член партии обязан:

а) бороться за создание материально-технической базы коммунизма, служить примером коммунистического отношения к труду, повышать производительность труда, выступать застрельщиком всего нового, прогрессивного, поддерживать и распространять передовой опыт, овладевать техникой, совершенствовать свою квалификацию, беречь и приумножать общественную социалистическую собственность – основу могущества и процветания Советской Родины;

б) твердо и неуклонно проводить в жизнь решения партии, разъяснять массам политику партии, способствовать укреплению и расширению связей партии с народом, проявлять чуткость и внимание к людям, своевременно откликаться на запросы и нужды трудящихся;

в) активно участвовать в политической жизни страны, в управлении государственными делами, в хозяйственном и культурном строительстве, показывать пример в выполнении общественного долга, помогать развитию и упрочению коммунистических общественных отношений;

г) овладевать марксистско-ленинской теорией, повышать свой идейный уровень, способствовать формированию и воспитанию человека коммунистического общества. Вести решительную борьбу с любыми проявлениями буржуазной идеологии, с остатками частнособственнической психологии, религиозными предрассудками и другими пережитками прошлого, соблюдать принципы коммунистической морали, ставить общественные интересы выше личных;

д) быть активным проводником идей социалистического интернационализма и советского патриотизма в массы трудящихся, вести борьбу с пережитками национализма и шовинизма, словом и делом содействовать укреплению дружбы народов СССР, братских связей советского народа с народами стран социалистического лагеря, с пролетариями и трудящимися всех стран;

е) всемерно укреплять идейное и организационное единство партии, оберегать партию от проникновения в ее ряды людей, недостойных высокого звания коммуниста, быть правдивым и честным перед партией и народом, проявлять бдительность, хранить партийную и государственную тайну;

ж) развивать критику и самокритику, смело вскрывать недостатки и добиваться их устранения, бороться против парадности, зазнайства, самоуспокоенности, местничества, давать решительный отпор всяким попыткам зажима критики, выступать против любых действий, наносящих ущерб партии и государству, и сообщать о них в партийные органы, вплоть до ЦК КПСС;

з) неуклонно проводить линию партии в подборе кадров по их политическим и деловым качествам. Быть непримиримым во всех случаях, когда нарушаются ленинские принципы подбора и воспитания кадров;

и) соблюдать партийную и государственную дисциплину, одинаково обязательную для всех членов партии. Партия имеет одну дисциплину, один закон для всех коммунистов, независимо от заслуг и занимаемых ими постов;

к) всемерно содействовать укреплению оборонной мощи СССР, вести неустанную борьбу за мир и дружбу между народами...»

Прочитал Белаш устав и решил, что недостойн быть членом партии – далековато ему до коммунистических идеалов. Потом, однако, заметил, что в КПСС вступают отнюдь не самые достойные, с его точки зрения, люди. Так коммунистом стал уволившийся в запас этой весной казах Акаев – командир отделения артэлектриков. Этот, сначала кандидат в члены КПСС, а потом и полноправный член активно выступал на всех собраниях, призывал, обещал, клялся. А перед отбоем строил у своей шконки «карасей», «пробивал» им «фанеру» – грудную клетку и, улегшись, командовал:

– Так, вечерний концерт для заслуженных старшин Советского Союза!

«Караси» затагивали:

– «Спи годок спокойной ночи, ДМБ на день короче. Только сон приблизит нас к увольнению в запас...»

Раз кто-то из молодых пропел «дембель стал на день короче», так Акай, спрыгнув со шконки, его чуть не забил до смерти:

– Ты что, солдат?! До сих пор слово ДМБ выучить не можешь?!

И по губам – по зубам «карася». И под дых, и под ребра. Упал молодой, а Акай его еще и пинать начал – еле оттащили.

Каждый раз, когда «караси» давали «вечерний концерт», Белаша так и подмывало спросить:

– Акай, а чего ты не заставишь их спеть:

«Партия Ленина – сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!...»

Свое Акаев получил не по партийной линии. Коммуниста и главного корабельного старшину решили сурово покарать за воровство у товарищей. Так что последние перед демобилизацией месяцы жил он у своих земляков под замком в барбете башни дивизиона универсального калибра. Сошел Акай с корабля, как шакал, ночью, опасаясь, что разозленные сослуживцы побьют на прощание, разорвут с такой заботой приготовленные на ДМБ клеши, сорвут с груди значки «Специалист 1 класса» и «Отличник боевой и политической подготовки».

Вот и сегодняшний рассыльный Слепа, отслуживший полтора года, уже кандидат в члены партии. Скоро превратится в полноправного коммуниста. Окажется в дальнейшем рядом с Акаевым у руля страны...

Нет, становиться в один ряд с карьеристами, лицемерами Белашу не хотелось. Он разглядел, понял, что все в этой партии, как и в комсомоле, сплошная показуха. У него уже был «политический» опыт. В школе Вадима выдвинули от класса в комитет комсомола. Он ходил на заседания, принимал на себя предложенные обязательства. И потом накануне отчета с ужасом понял, что ничего из них не выполнил. Просто потому, что не все от него зависело. На отчетное заседание шел, понурился голову. Ждал, что в лучшем случае ему объявят выговор с занесением в личное дело. В худшем – выгонят из комсомола. Но ему объявили благодарность! Оказалось, что все отчитываются о как бы проделанной работе. Неважно, что сделано на самом деле. Важно, что на бумаге все выполнено и перевыполнено. Как выяснилось, они силами комитета комсомола провели слет, которого на самом деле не было. А еще они помогали пятидесяти ветеранам, которых на самом деле было семь. Организовали пикет в поддержку какой-то заключенной чернокожей американки, не выходя из класса...

Глядя на «работу» коммунистов на корабле, Белаш констатировал, что от комсомольцев они своим «выполнить и перевыполнить» ничем не отличаются. Морозов же полностью открыл Вадиму глаза на дела членов партии. Эти ребята-коммуныта еще и стукачи поголовно! Доносят на своих товарищей, друзей, земляков!

Отвечая особисту, Белаш постарался согнать с лица брезгливую мину и аргументировал:

– Так я бы и вступил в партию, но ведь нужно сначала кандидатом быть. Срок проверочный выдержать. Подзапоздал я. Мне ж буквально на днях в запас увольняться...

Морозов, очевидно, делал свое коммунистическое предложение всем подряд. Потому что сначала покопался в бумагах и лишь потом кивнул:

– Ну да, увольняешься осенью 1982-го. – Пожал плечами. – Так и не обязательно вступать на корабле. Дадим тебе партийную рекомендацию. Вступишь в члены КПСС потом на заводе, на стройке... в институте...

«В институте» отдалось тогда в голове Белаша. Но он не придавал этому особого значения. Наверное, особист сказал это просто для примера: «на заводе, на стройке, в институте...»

Вадим спокойно вышел от Морозова. Как и Пасько, пообещав верно служить особому делу Родины и постаравшись сразу же забыть о данном обещании. Что делать, положено это так: Морозову – вызывать, предлагать, а матросам – соглашаться и не выполнять своих обещаний. Так ведь во всех делах: и в военных, и в гражданских. Все берут на себя всякие повышенные социалистические обязательства, но никто ничего не выполняет, отчитываясь при этом о

перевыполнении невыполненного. С чистой совестью отчитается особист о работе с личным составом экипажа и забудет о Белаше, а Белаш забудет об этой их встрече.

Но забыть о той беседе с особистом не удалось. Через неделю Вадима вызвали к Морозову второй раз...

Гоня прочь неприятные мысли, Белаш опустил голову и уткнулся в окуляры дальномера, принялся осматривать Владивосток: приближенные мощной оптикой сопки, сопки, сопки. На них – крутые улицы. Когда гололед, то движение в городе просто замирает. На корабль не привозят свежий хлеб. А так как, стоя у берега, свой выпекать не положено, то хрумкает экипаж некоторое время старые сухари. И весь город в такую погоду тоже бедствует. Кто-то не может добраться до работы, кто-то – дойти до магазина и тоже сосет сухарь...

Белаш скомандовал:

– Старик, покрути КДП!

«Избушка на курьих ножках» плавно повернулась. В окулярах появилась другая картинка. Вадим знал, что в той стороне за городом находится арсенал под открытым небом. Ездили туда за снарядами. Лежат они в ящиках и без, в одной смазке, прямо на земле, под солнцем, снегом и дождем. Трудно представить, какое множество таких же арсеналов по всей стране. В тайге, в степи, в песках. И не только снарядов-ракет, но и прочего военного имущества. Видел Белаш в дальномер и сотни гниющих законсервированных на берегу автомобилей, и десятки ржавеющих по «шкерам» «запасных» кораблей...

В окулярах появилось здание Владивостокского морского вокзала. Сколько людей! Кипит гражданская жизнь. Вадим отслужил три года, а ни разу во Владивостоке в нормальном увольнении не был. По большей части видел этот город только с борта корабля да из кузова грузовика, когда их возили на различные работы и в арсенал получать снаряды для корабельной артиллерии. Еще на местном судоремонтном заводе работал вместе с другими ребятами. Но завод – не город. Хотя и совсем рядом с Владивостоком эта огороженная часть суши, хоть и работают на ней гражданские лица, но это военная территория. Еще бывал Вадим вне корабля, когда наземные власти призывали матросов помочь тушить тайгу, перебирать картошку в овощехранилище, копать водопроводные траншеи, тянуть кабели в подземельях электростанции. На корабле шутили: «Два солдата из стройбата заменяют экскаватор, а один простой матрос заменяет паровоз». Но за любые береговые работы говорили «спасибо» – какое-никакое развлечение вне кубрика и боевых постов.

Вадим уже и не помнил, сколько раз он снова и снова порывался сойти с корабля по-человечески: в выходной форме и с увольнительной в кармане. Но то один начальник «рубил» ему увольнение, то другой. И вот, наконец все – и командир его носовой группы управления, и командир дивизиона главного калибра, и «малый зам» – заместитель командира дивизиона главного калибра по политической части, и командир артиллерийской боевой части, и заместитель командира артиллерийской «бэчэ» по политической части, и заместитель командира корабля по политической части – «большой зам», и «помоха» – помощник командира корабля, – все, просматривая список увольняемых на берег, оставили в нем фамилию Белаша, никто не вычеркнул. И сегодня уже были начищены до блеска молодыми матросами черные выходные хромовые ботинки и якористая медная бляха ремня. Поглажены гюйс – голубой отложной воротник с тремя полосками, и выходная серо-голубая рубаша – голландка. На рундуках – вещевых ящиках под койками-шконками – лежали чистая тельняшка, черные уставные носки-караси. Готовы были и черные же бушлат с бескозыркой. Только выходные брюки следовало довести до ума: они показались Белашу недостаточно проглаженными. Не просто это: на толстой шерсти навести стрелки. Вадим помотрел-посмотрел и сам взялся за утюг: все должно было быть идеально, чтоб никто на построении увольняемых на юте – корме корабля – не придрался. Сколько раз Белаш слышал от проходящего вдоль строя «помохи»:

– Этот никуда не пойдет – бляха ремня плохо начищена... И этот не пойдет – пуговица плохо пришита... И этот не пойдет... И этот... И этот...

Всего один только раз сошел Белаш во Владивостоке с корабля, имея увольнительную в кармане. Направился было в Дом моряков на танцы, но внутрь так и не попал. Морские и солдатские патрули в этом военном городе на каждой улице, на каждом перекрестке. Трижды проверяли его по пути и трижды позволяли следовать далее. Но на входе в Дом моряка докопались до прически: не то, что с линейкой, чуть ли не с микрометром мерили:

– Волосы длиннее положенного.

И резолюцию соответствующую – в увольнительную. Пришлось Вадиму сразу же возвращаться на корабль не солоно хлебавши. Вот так один раз за три года службы Белаша во Владивостоке в увольнение отпустили, но оно, увы, не состоялось. Теперь же накрылась, плакала вторая и, очевидно, последняя его возможность «отметиться» во Владивостоке – Вадим уже «оттарабанил» свое и скоро, совсем скоро ему – домой...

Картинка сменилась: многоэтажный «Белый дом» – штаб Тихоокеанского флота. Рядом со зданием на берегу подводная лодка «С-56» («Сталинец») – памятник подвигу народа...

Тридцать третий причал – традиционное место стоянки «Суворова» и других больших кораблей. Вправо – судоремонтный завод... Еще правее – Русский остров. Не было у Белаша никакого желания вспоминать о шести месяцах, проведенных там в учебном отряде...

Вадим снова приказал развернуть КДП, еще раз оглядел город и мысленно откланялся: «Прощай Владивосток – город камней, блядей и бескозырок! Если это выход в море, то теперь уже точно не бывать мне здесь в увольнении. Если когда и пройду по этим улицам, но "по гражданке", в командировке или в отпуске, уже без соизволения "отцов-командиров"...»

Мысли Белаша перебил голос из динамика корабельной трансляции:

– «Корабельному оркестру прибыть на бак!»

Через несколько минут на верхней палубе носовой части корабля грянуло «Прощание славянки».

Который раз слушал Вадим этот марш, но вновь чувствовал, как по телу пробегают мурашки:

«Наступает минута прощания.
Ты глядишь мне тревожно в глаза.
И ловлю я родное дыхание,
А вдали уже дышит гроза.

И если в поход
Страна позовет,
За край наш родной
Мы все пойдем в священный бой!...»

Затяжной выстрел

Темнов очень хотел, чтобы этот выход в море обошелся без стрельб. Сколько их уже было, а так и не привык: по-прежнему Олега начинает внутренне колотить, когда орудия готовятся к бою. Уткнувшись в свои приборы наводки, он не видит, но слышит, как в ствол досылается сначала снаряд, потом заряд. После этого долго-долго тянутся секунды ожидания выстрела. Наконец вся башня с ужасным грохотом содрогается, и тогда можно немного расслабиться: обошлось. Но новый снаряд, заряд. Ожидание. Выстрел. И еще. И еще...

Несмотря на два отслуженных года, на опыт многих, оставшихся в прошлом стрельб, у Олега по-прежнему не шел из головы рассказ о «Сенявине». Его он услышал в «учебке» Русского острова от незнакомого капитан-лейтенанта, который подменял своего заболевшего коллегу и должен был раскрыть на занятиях молодым матросам тему «Затяжной выстрел»:

– Слушайте внимательно! – офицер заглянул в тетрадку и зачитал: – «Затяжной выстрел – это задержка выстрела из огнестрельного оружия или артиллерийского орудия после срабатывания спускового механизма. Происходит из-за низкого качества пороха, что может быть вызвано как заводским браком, так и нарушением условий хранения или из-за нарушения работы воспламенителя. При затяжном выстреле преждевременное извлечение боеприпаса может привести к его срабатыванию в руках стрелка или расчета орудия. Для предотвращения этого, в случае предположительной осечки рекомендуется выждать некоторое время, направив ствол в безопасном направлении. Для исключения непланового срабатывания боеприпаса в артиллерийских орудиях предусматриваются специальные предохранители. Открытие затвора допускается по истечении времени, установленного инструкцией». Ясно?

Все мотнули головами. А «каплей» вдруг выругался и, налив что-то в стакан под столом, выпил залпом:

– Ни хрена вам не ясно! Было бы ясно, не появлялось бы таких отчетов. Слушайте, идиоты, – он снова стал читать из тетрадки: – «13 июня 1978 года флагманской крейсер Тихоокеанского флота "Адмирал Сенявин", будучи инициатором социалистического соревнования на флоте, выполнял в заливе Петра Великого состязательные артиллерийские стрельбы главным калибром. Кораблем командовал капитан 2 ранга Плахов, замполит – капитан 3 ранга Спицын. На крейсере находился также командир соединения – контр-адмирал Варганов. Использовались практические снаряды (без взрывчатого вещества).

После восьми успешных залпов, на девятом, правое орудие первой башни не выстрелило. Автоматически включились две блокировки, не позволявшие открыть затвор. Однако моряки расчета орудия, стремясь как можно быстрее исправить ситуацию, выключили блокировки, открыли затвор, и лоток со следующим зарядом установили в положение для заряжания.

В результате автоматического включения привода прибойник дослал новый снаряд в камору орудия, раздавив находившийся в ней заряд, и тот воспламенился. Струя раскаленных газов через зазор между досланным снарядом и камерой орудия прорвалась в боевое отделение, воспламенила приготовленные к стрельбе заряды, и в башне возник пожар, мгновенно перекинувшийся и на верхнее перегрузочное отделение.

Старый снаряд вылетел из ствола и упал в воду в пятидесяти метрах от корабля, а новый снаряд отскочил назад в боевое отделение. По приказу командира корабля капитана 2 ранга Владимира Плахова были затоплены погреба I и II башен. Огонь погасили штатными средствами пожаротушения, но погибли все, кто находился в первой башне, включая корреспондента газеты «Красная звезда» капитана 2 ранга Леонида Климченко. Из 37 погибших 31 человек отравился окисью углерода, трое утонули при затоплении погребов и трое получили смертельные травмы.

Еще больших жертв и серьезных повреждений корабля удалось избежать, благодаря тому, что снарядный погреб и находящийся ниже его самый опасный зарядный погреб были загерметизированы.

Материальная часть башни в целом осталась в строю. Основные повреждения башни были следующими: вышел из строя лоток подачи на правом орудии; сбиты оптические оси на башенном дальномере; в огне повреждена электропроводка и электрооборудование башни. Через месяц башня № 1 была введена в строй и вскоре испытана стрельбой...

Причина этого тяжелого происшествия – ошибка личного состава правого орудия башни, его недостаточная натренированность и растерянность...»

Офицер оторвал взгляд от тетради и повторил:

– «Причина этого тяжелого происшествия – ошибка личного состава правого орудия башни, его недостаточная натренированность и растерянность...» Что это значит? Это значит, что какой-то идиот, который спал на занятиях и в дальнейшем не тренировался, погубил себя, своих товарищей и чуть не утопил весь корабль. И еще, – снова налил себе под столом в стакан и выпил, – у вас будут инструкции, которые вы обязаны не просто соблюдать. Вы обязаны их не нарушать в любой ситуации, кто бы и чего бы вам ни приказывал. Запомните: не важно кто и что! Кретинов вокруг много, а инструкции написаны кровью... – «Каплей» смотрел на притихших комендоров несколько затуманенными, поблескивающими глазами. – Знаете, что было на самом деле на «Сенявине»? Почему башня взорвалась?

Все переглянулись:

– Затяжной выстрел... Вы же сами нам только что...

– Да, затяжной выстрел, – мотнул головой офицер, – но что привело к «ошибке личного состава правого орудия башни», кроме «недостаточной натренированности и растерянности»?

Все пожали плечами. Офицер вздохнул и снова налил, и снова выпил:

– Я служил тогда на «Сенявине»... Надо знать, в каких условиях проводились эти стрельбы на крейсере. Незадолго до них, в апреле 1978 года, корабль посетил Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Его сопровождали министр обороны СССР маршал Советского Союза Устинов и главком ВМФ СССР адмирал флота Советского Союза Горшков. Леонид Ильич вышел в море на «Сенявине» и наблюдал за выполнением зачетной стрельбы главным калибром. За ее успешное выполнение командир крейсера капитан 2 ранга Плахов и замполит капитан 3 ранга Спицын получили из рук Генерального секретаря платиновые часы с памятной гравировкой: «От Л. И. Брежнева. 1978 г.»

Капитан-лейтенант снова вздохнул, посмотрел на стакан, но не взялся за него, а продолжил:

– Вокруг крейсера был поднят нездоровый ажиотаж. Многие стремились попасть именно на «Сенявин». На крейсер одна за другой зачастили делегации. Экипажу уже было просто некогда по-настоящему заниматься боевой подготовкой. Снизилась требовательность к «сенявинцам» и со стороны вышестоящего командования. В тот день на корабле находилось множество гостей. Это были журналисты, артисты и еще писательская делегация из Москвы и Ленинграда. Среди них была женщина. И число было тринадцатое...

Офицер все-таки снова что-то налил в стакан и выпил:

– Накануне стрельбы уволились в запас многие опытные моряки из боевого расчета башни. Из четырнадцати, отслуживших более двух лет, были уволены девять. Натренировать и обучить молодых матросов в достаточной степени они не успели. Вот те и растерялись в нештатной ситуации... К тому же, чтобы выдержать темп стрельбы 7,5 секунд, в нарушение всех инструкций снаряды и заряды были заранее подняты в подбашенное отделение из погребов. Всего в трех боевых отделениях башни имелось более 20 уже «раздетых» – без пеналов – зарядов, а это около 280 килограмм артиллерийского пороха. Они сдетонировали при взрыве. В башне выгорел весь кислород...

Капитан-лейтенант посмотрел на пустой стакан:

– Забавно... Случилась такая трагедия, но о ней ни слуху, ни духу, ее фактически замяли. Причастные к трагедии должностные лица были наказаны всего лишь в административном порядке. После расследования флагманский специалист и командир крейсера были сняты с должностей. Получили взыскания в дисциплинарном порядке многие старшие офицеры. Но главное, после расследования были уничтожены все документы, относящиеся к взрыву на "Сенявине". Окружение генерального секретаря сделало все, чтобы до него не дошли никакие слухи о чрезвычайном происшествии на корабле, который он не так давно посетил. Было запрещено любое упоминание крейсера «Адмирал Сенявин» в прессе... – Офицер достал из-под стола бутылку и вылил из нее остатки в стакан. – Так что мало того, что сдохнете, так еще никто и никогда о вас не расскажет.

«Каплей» горько усмехнулся и опрокинул в себя содержимое стакана. Затем поставил его на стол и оглядел притихших комендоров:

– Они были такие же пацаны, как вы. Только черные, обгорелые. Я их на этих вот руках из башни выносил...

Капитан-лейтенант сник и помрачнел. Через минуту продолжил:

– Так что думайте, где вы и что вы делаете. Можете убить не только себя, но и товарищей, а заодно и своих, и их матерей, отцов... Повторяю: вы не имеете права нарушить инструкцию. Не важно, кто вам приказывает – собственный больной мозг, старшина, офицер, командир корабля, да хоть сам Леонид Ильич...

Офицер убрал со стола бутылку и стакан.

– Итак, приступаем к разбору: что нужно делать в случае затяжного выстрела...

Больше этот офицер у них никаких занятий не вел. И никто его не видел в расположении учебной школы. Темнов же после этой «лекции» старался ловить каждое слово преподавателей, которые учили их обслуживать боевую технику. Он очень не хотел оказаться на чьих-то руках черным, обгорелым...

На первых же стрельбах Олега случилось то, чего он так боялся. Сначала все шло как по маслу. Первый выстрел был почти «игрушечным», производился без снаряда по команде:

– «Снятие смазки!»

Темнов знал, что первые выстрелы всегда бывают «прогревными». Их делают, чтобы при последующих выстрелах не было потери начальной скорости снаряда. Такая потеря в начале стрельбы связана с тем, что пороховой заряд отдает часть энергии на прогрев ствола орудия и на сгорание смазки в канале ствола. Поэтому смазку сжигают холостым выстрелом.

Второй выстрел был уже полноценным. В ствол зашел снаряд, следом – заряд. Олег напрягся, ожидая. Наконец башня с ужасным грохотом содрогнулась, снаряд улетел, куда ему положено, и Олег немного расслабился: обошлось.

Корабль во время выстрелов главного калибра встряхивает так, что отлетает краска с переборок. Если дневальный зазевался и не снял плафоны и лампочки, то те взрываются как гранаты, усеивая кубрик стеклянными осколками.

Новый снаряд, заряд. Ожидание. Выстрел. Новый снаряд, заряд. Ожидание. Выстрел. И еще. И еще...

Стреляли двумя крайними орудиями башни. Среднее молчало. Оно было законсервировано и ради экономии боезапаса, и из-за нехватки членов экипажа, и еще из-за связи. Крейсер является флагманским кораблем. Это такой плавучий узел связи, напичканный сложной радиоаппаратурой, которая очень чувствительна к мощным выстрелам главного калибра. Поэтому пока нет боевой надобности, среднее орудие молчит, не беспокоит «нежное» БЧ-4.

Новый снаряд, заряд. Ожидание. Ожидание. И еще ожидание, ожидание, ожидание... Выстрела не последовало. Темнов тогда сразу все понял. Вспомнил капитан-лейтенанта с Русского острова, пившего водку прямо во время занятий, и его слова: «Они были такие же

пацаны, как вы. Только черные, обгорелые. Я их на этих вот руках из башни выносил...» Это был затяжной выстрел. Как на «Сенявине». По спине Олега пробежал холодок...

Из перегрузки поднялся командир башни Сапонин. Из КДП прибежал командир дивизиона Гарашко, скомандовал:

– Произвести отчет!

Гриф – замочный – подрагивающим голосом отсчитал:

– Раз, два, три... двести...

«Карабас» отдал новый приказ:

– Заменить трубку!

Гриф вынул из казенной части орудия артиллерийский капсюль, который поджигает основной заряд. Комдив взял трубку в руки, повертел, осмотрел, понюхал:

– Сработала... Установить новую!

Но и с новой трубкой выстрела не последовало. Это означало, что капсюль делает свое дело и воспламеняется, однако испорченный порох в заряде не вспыхивает. Но, возможно, он тлеет и готов рвануть в любое мгновение.

Еще раз:

– Заменить трубку!

Вновь нет выстрела. И еще раз:

– Произвести отчет!

– Раз, два, три... двести...

Согласно инструкции все операции повторяются снова и снова. Раз за разом. Олег смотрел на суету возле орудия, вспоминал «Сенявин» и прощался с жизнью – со своей такой короткой жизнью. Снова думал о том, как же он не хотел оказаться рядом с оружием. Ведь ему была прямая дорога в «стройбат» – все-таки потомственный строитель. Отец Руслан Гаврилович – крановщик. Мама Татьяна Алексеевна – маляр-штукатур. С раннего детства днями играл у отца и матери на стройке. Его там все опекали, совали конфеты и пряники, спрашивали:

– А кто это мама у такого богатыря?

Он гордо отвечал:

– Мама Тая...

Для него запахи краски, бетона, гудрона стали родными. Поэтому он и пошел в строительное профессионально-техническое училище. Учиться стал, по совету отца, на плиточника-облицовщика:

– Будешь работать по большей части в тепле или по крайней мере под крышей и не на ветру. Эта работа не такая тяжелая, как у каменщиков, а заработок очень хороший...

ПТУ обычно расшифровывают как «помоги тупому устроиться». Но Олег не чувствовал себя тупым, хотя и был в школе троечником. Но там было скучно, а с плиткой у него как-то сразу сложилось, и он был в «шараге» на хорошем счету. Его не относили к тем придуркам, которых после восьмого класса выгоняли из школы в ПТУ, так как их еще рано было отправлять на «зону».

После успешного окончания «шараги» Темнов распределился в строительно-монтажное управление, в котором ранее уже проходил практику. В бригаде был самым молодым, так что поначалу «шуршал» на подхвате и бегал за водкой. Его, однако, быстро зауважали. Олег и работал на совесть, и после первой зарплаты «проставился», мог и за себя, и за интересы бригады постоять. Так он как-то раз даже подрался за цементный раствор, который хотела увести соседняя бригада. Парни там совсем взрослые, но сильный от природы и к тому же каждый день «тренирующийся» с тяжелой плиткой Олег держался один против четверых, пока свои не подоспели. «Бугор», как звали бригадира все члены их «команды», похвалил:

– Молоток. А то нам бы простаивать сегодня...

Отец был прав. Стипендию в ПТУ давали маленькую – 30 рублей с копейками, но уже через год после окончания «шараги» Темнов получал, как инженер, 120 рублей. Еще то «червонец», то «четвертной» бригадир подбрасывал, когда брал Олега с собой на «шабашку», если кто-то из «команды» не мог пойти. Подработки выпадали часто. Малая «шабашка» значила ремонт чьей-то квартиры. Большая – строительные или ремонтные работы на стороннем «объекте». Обычно нанимали «шабашников» председатели колхозов в области коровники строить, а также директора санаториев и пионерских лагерей для отделочных работ. На таких «объектах» нужно было работать быстро и качественно. В плановом порядке руководителям сделать все как надо не удастся, вот они и выкручиваются, нанимая «шабашников» и выплачивая им за работу суммы, в несколько раз превышающие официальные зарплаты.

Деньги были не лишними, потому что жили Темновы не очень богато. Родители должны были хорошо получать на стройке, но отец здорово выпивал и частенько не выходил на работу. Мама Тая чем дальше, тем больше болела и порой лежала по несколько дней то дома, то вообще в больнице. А за прогулы и бюллетени не очень хорошо начисляли. Так что деньги, которые зарабатывал Олег, были семье очень кстати.

С получки он не все отдавал матери. Оставлял часть денег себе. Ему ведь нужно было и Алену – свою девушку, которая жила в соседнем подъезде их пятиэтажки, – сводить в кафе-мороженое. Еще он в день зарплаты шел в книжный магазин, чтобы попробовать купить какую-нибудь приключенческую книгу. Обычно ничего хорошего на полках в местном «Когизе» не находилось. Тогда Темнов ехал на барахолку и покупал книги с рук у спекулянтов. К ним они попадали или от знакомых продавцов магазинов, или через пункты сбора макулатуры, которые в обмен на сданную бумагу давали талоны на интересные книги. Олег купил и запоем прочитал несколько томов приключений трех мушкетеров, Шерлока Холмса, а еще «Королеву Марго».

В свой последний рабочий день Темнов купил водки, колбасы, консервов, пригласил всю бригаду после смены отметить:

– Все, в армию ухожу.

Валерка Зима, один из членов бригады, усмехнулся:

– В армию идут только дураки.

И тут же схватил подзатыльник от «бугра»:

– Я что, по-твоему, дурак? Я ведь в армии служил. Если б там не научился с людьми ладить, за дело общее отвечать, то и бригадиром бы не стал, и много чего у меня в жизни еще не получилось, не случилось бы. И вы бы сейчас здесь со мной не работали, не получали бы столько, сколько имеете...

Зима тут же весь сжался:

– Нет, это я так, в шутку:

Бугор покачал головой:

– Не шути так больше, а то ребята тебя не поймут и наказать могут. У нас в бригаде все, кому по возрасту положено, служили. Кроме тебя...

Валерка заныл:

– Так у меня ж болезнь нутренняя. А то б я тоже. И я в армию хочу....

Бугор махнул рукой:

– О тебе в другой раз поговорим. А сейчас речь об Олеге, – поднял стакан с водкой и посмотрел на Темнова, – Вернешься из армии – приходи в бригаду. Ты подходишь нам, потому что понимаешь: все надо делать надежно и на совесть. Даже «шабашка» – дело непростое – сделаешь плохо, никто тебя больше не позовет... Так что спокойно служи, возвращайся. Место у тебя будет, и на «шабашку» пойдешь уже как взрослый. Зарабатывать начнешь по-настоящему, раз в пять больше, чем все эти инженерно-технические работнички с высшим образованием. И они еще будут у тебя в ногах валяться, упрашивать аккуратненько плиточку в коридорчике и на кухоньке выложить. – При этих словах остальные члены бригады захихикали, а

Бугор продолжил: – Интеллигентшкы, они за каждую копейку трясутся, а у тебя, настоящего плиточника-работяги, все будет. Ты – хозяин жизни, если правильно по ней идешь. Сегодня внизу отработал, а завтра поднимешься. Сегодня – тебя, завтра – ты...

Олег не сомневался, что поднимется. Он отдал свое в «шараге» и в первый год работы в бригаде. Так что отдаст на службе и вернется «на гражданку» уже получать по полной. Темнов планировал, что будет у него не только хорошая работа, но и своя настоящая семья: жена, дети, внуки. Жить они будут отдельно от родителей – строители квартиры быстро получают. Олег с улыбкой вспоминал, как зимой обнимались с Аленкой в подъезде у теплой батареи, потому что пойти было некуда: у обоих родители сидели дома возле телевизора. Он гладил ее длинные прямые светлые волосы, отводил их в сторону, целовал за ушком, в шею, а потом в губы...

Еще Темнов замыслил построить дачу, посадить там, как у людей, картошку, огурцы, помидоры. И на машину быстро денег скопить у него должно получиться. Олег не раз представлял себе, как на выходные всей семьей выезжают за Самару на собственных «Жигулях», а, может, даже и на «Волге», обгоняют всякие «Москвичи» и «Запорожцы». Будут ездить не только на дачу, но и на реку, на рыбалку, в лес за ягодой-грибами. Балкон украсят вялящиеся лебеды и банки, которые закатает Аленка: овощи-фрукты с дачи и грузди-маслята из леса. Своими соленьями так хорошо водочку посреди зимы закусывать...

Он верил в Аленку, которая после школы работала на заводе разрядчиком в цехе металлообработки. Там было много мужиков. Но все в цеху знали, что у симпатичной блондинки Аленки есть жених – здоровый парень. Поэтому никто к ней приставал.

Аленка плакала на проводах:

– Ничего, что два года. Буду ждать. Писать каждый день...

Она и правда писала, несмотря на то, что в разлуке им предстояло провести не два, а три года. Когда Темнов отслужил первые восемь месяцев и самое трудное, можно сказать, было уже позади, случился тот затяжной. Олег подумал тогда и о том, что, возможно, придется умереть, и о том, что же будет после его смерти. Аленка погорюет и найдет другого. А родители? Они же не найдут другого сына? Как они без Олега? Немолодые, больные?..

После нескольких отчетов и замен трубок комдив отдал страшную команду:

– Открыть замок!

Гриф, не раздумывая, выполнил приказ, и через секунду между зарядом и всеми башенными матросами не осталось никакой преграды. Если бы заряд рванул в это время, то повторилось бы то, что случилось на «Сенявине». Темнов закрыл глаза. Но за несколько секунд, прошедших с момента открытия замка, ничего не произошло. Олег снова открыл глаза. Гарашко уверенно скомандовал:

– Досылающий, вынести заряд из башни! За борт!

Все башенные уткнулись взглядами в Грифа. Но тот затряс головой:

– Не... Не... Я не...

И руки у него с огромными кулачищами тоже тряслись.

Комдив посмотрел на Кармана, но тот отступил от орудия, уперся спиной в стальную стенку башни. И его руки ходили ходуном.

Страшно было Грифу. Страшно было Карману. Олег хорошо узнал эту парочку за столько совместно проведенного времени в кубрике и башне. Оба храбры только тогда, когда издеваются над молодыми и слабыми.

Страшно было и Олегу. Он видел, как «Карабас» шарит взглядом по башне, собираясь приказать взяться за заряд кому-то из молодых. А Темнов помнил, что на «Сенявине» взрыв произошел там, где растерялись именно неопытные «караси». И у «суворовских» молодых наверняка, как у Грифа с Карманом, тряслись руки.

– Я вынесу! – вышагнул из-за орудия Темнов.

Комдив думал недолго:

– Действуй!

Олег медленно поднял заряд на руки. Втянул ноздрями воздух и заметил про себя, что вроде бы дымом не пахнет – ничего не горит, не тлеет. Развернулся, медленно, боком двинулся мимо башенных механизмов к отдраенной «броняшке». Смотрел только на нее, чувствуя, что все в башне сопровождают взглядами выносимый заряд.

Неожиданно на руку Темнова что-то капнуло. Олег посмотрел вверх. Это был пот со лба сидящего надо всеми в башне дальномерщика. В глазах «стекольщика» тоже замер страх.

Еще пара пройденных метров и Темнов осторожно вышагнул за башню, качнулся и сильнее прижал к себе заряд. Подумал о том, что, должно быть, погибнет сразу, и еще о том, что это лучше, чем выжить, но остаться инвалидом – обожженным до неузнаваемости, без рук, без ног. Аленке он такой не нужен. Только мама Тая будет заботиться о нем. Пока сама сможет. У нее ведь профессиональное заболевание маляров – «органическое поражение центральной нервной системы». Она – очень нервная, иногда не в себе. За матерью за самой ухаживать нужно. Но и отец Темнова часто простывает, а сидя дома на больничном, всю бухает и забывает обо всем, обо всех...

Олег не хотел оставаться инвалидом. Он предпочитал быструю смерть: вспышку, после которой ветер сметет в море кучку пепла...

На ватных ногах Темнов дошагал до борта. Вдохнул-выдохнул и на сказанные в уме «три-четыре» подбросил заряд над леерами, вытолкнул его как можно дальше. Быстро отпрянул назад, ожидая, что заряд взорвется за бортом. Но тот спокойно плюхнулся в воду и быстро пошел ко дну. Не первый и не последний. Десятки, сотни испорченных зарядов и снарядов выбрасывают за борт комендоры на самых разных кораблях всех флотов мира...

После того затяжного Темнова стали меньше гонять башенные «годки». Кто знает, может быть, он спас им жизнь, позволил дослужить до конца и уйти целыми-невредимыми домой. Меньше стали задираться и Карман с Грифом, за которых он выполнил обязанности. Вызывал к себе в каюту особист, интересовался: не был ли затяжной выстрел чьей-нибудь диверсией. Олег такому вопросу очень удивился:

– Нет, вроде, у нас самоубийц.

Командир корабля перед строем объявил Олегу благодарность «за грамотные действия и смелость». А еще Темнов получил звание старший матрос и, соответственно, добавочные полтора рубля к своему четырехрублевому жалованию. И все это за обращение с порохом. Которого Олег очень боялся.

Как-то так получилось, что после тех стрельб с затяжным выстрелом Темнову сразу пришла целая стопка писем. От родителей. От друзей по школе и «шараге», находящихся в Куйбышеве-Самаре и служивших во всех концах Советского Союза. Еще от Зимы – товарища по строительной бригаде. И еще было письмо от Аленки. Она прислала фотографию: какая же красивая, не сделала модную стрижку, все так же берегла свои длинные, некрашенные, светлые как лен волосы...

Олег читал тогда весточки от родных-близких и хотел жить. И в этот новый выход в море он тоже хотел жить. Очень надеялся, что до стрельб не дойдет, и тогда думать придется лишь о недописанном письме, которое лежало сейчас в кармане его рабочих брюк. С ним надо было, наконец, что-то решать...

«Жить можно...»

После того, как Воронок засунул тетрадь с песней о «Сенявине» в рундук, тревога отступила. На смену ей пришло возбуждение от мыслей, связанных с возможно предстоящим выходом в море. Ожидая возвращения музыкантов в кубрик, Сергей думал о том, что сегодня, если все сложится лучшим образом, он перейдет в новое «морское сословие», порвет с сухопутным прошлым.

Всего лишь пару месяцев назад Воронок был обычным деревенским парнем и даже не задумывался, как далеко его может забросить судьба. Из Луковки их увезли троих: самого Сергея, толстого Витьку – Винни Пуха – с другого конца улицы, и тракториста Кольку – самого сильного парня на селе. Тот жил в соседнем доме и всегда защищал Воронка от пацанов, набивавшихся в ухажеры Марины. Сергею не то что за свою девушку, но и за себя-то постоять было не просто: вырос, хотя и высоким, но худощавым, с неразвитыми, «прилепившимися» к костям мышцами. Посмотришь на него со стороны и не поймешь, как с таким телом уживается мощный басовитый голос. Правда, Марина на отсутствие развитой мускулатуры не обращала никакого внимания. Ей нравился, конечно, голос, а кроме него, еще и серые глаза Воронка, нос с горбинкой, густые, жесткие выющиеся волосы, торчащие пружинками во все стороны. Марина даже в шутку завидовала: с такой «шапкой» ее парень мог ходить без головного убора вплоть до заморозков. Всю красоту пришлось пустить «под ноль»...

Сергей вспомнил, как, натянув спортивную шапочку на стриженую голову, смотрел на плачущую, вытирающую слезы Марину из кузова отъезжающего от сельсовета грузовика. Смотрел пьяными, затуманенными водкой глазами. Он тогда не осознавал, что расстанутся они так надолго.

В военкомате райцентра односельчан Воронка отвели в какую-то отдельную колонну, которая тут же исчезла за воротами. Колька едва успел выкрикнуть:

– Держись, Серега! Как ты там без меня...

Воронок на это пожал плечами и тут же напился до бесчувствия с незнакомыми ребятами, предложившими:

– Подставляй стакан, у нас этого добра завались! Пей, пока есть! Потом только вспоминать будем...

Очнулся в поезде, где ему снова предложили выпить: водки, вина, пива. Сергей не отказывался. Следующий раз пришел в себя, почувствовав толчок в бок:

– Приехали!

Их выгрузили в Ванино, городе, о котором никто ничего определенно сказать не мог:

– Вроде дальневосточный морской порт.

Тут же у Воронка, знавшего много песен, всплыли в голове строки:

«Я помню тот Ванинский порт
И вид парохода угрюмый,
Как шли мы по трапу на борт
В холодные мрачные трюмы.

На море спускался туман,
Ревела стихия морская,
Вставал впереди Магадан —
Столица колымского края...

Будь проклята ты, Колыма,

Что названа чудной планетой.
По трапу войдешь ты туда,
Оттуда возврата уж нету.

Пятьсот километров тайга,
Живут там лишь дикие звери.
Машины не ходят туда,
Бредут, спотыкаясь, олени...»

Сергей был уверен, что их сейчас погрузят на пароход и отправят дальше – на Колыму. Действительно, прошагав несколько километров, они увидели море. Однако колонну провели не на территорию порта, а в расположение воинской части – флотского полуэкипажа. Обычно новобранцев посылают в учебный отряд на Русский остров, где обучают в течение шести месяцев. В экипаж же для прохождения курса молодого матроса в течение сорока пяти суток должны привозить лишь тех, кто на гражданке учился военным специальностям в школах ДОССАФ – добровольного общества содействия армии, авиации и флоту. Его отделения есть по всей стране. В них готовят водителей, связистов, радиометристов и других военных специалистов.

Ни в какой школе ДОСААФ очутившийся в полуэкипаже Воронок не учился. Впрочем, таких же «недосаафэвцев» рядом с ним оказалось немало. И никто из новобранцев не мог объяснить, почему райвоенкомат распорядился их судьбами именно таким образом.

Когда входили в ворота воинской части, то дежурные в черной флотской форме кричали с улыбками:

– Шкертуйтесь! Сразу же шкертуйтесь!

Только через некоторое время Сергей узнал, что шкерт – это веревка, веревочка. А шкертуйтесь, стало быть, значит: вешайтесь...

Вместе с другими новобранцами он быстро узнал и другие флотские слова. «Братан» – это обычное обращение матросов друг к другу. «Шкентель» – трос с петлей на конце, а также и конец строя. Еще было «Але», без которого не обходится ни один окрик:

– Але, братан на шкентеле, подтянись, не отставать!...

Экипажевские матросы, глядя на новобранцев сверху вниз, продолжали «советовать»:

– Шкертуйтесь, пока не поздно!

Но вешаться Воронку было не из-за чего. Он расстроился лишь тому, что пока мылись в бане и переодевались, у него украли губную гармошку, нескольких оставшихся рублей и пару пачек хороших сигарет, которые мать Алевтина купила в дорогу. Гармошку было особенно жалко – единственная память. Но вешаться... И на гражданке воруют, никто же по этому поводу себя жизни не лишает.

После бани выдали странную, очень широкую форму. Рабочая рубаха была без пуговиц и одевалась через голову. У брюк нет ширинок. Старшина объяснил:

– Широкая «роба» – это, чтобы когда по необходимости за борт прыгнул и руки поднял, «голландка» сама с тебя еще в воздухе слетела, а из просторных брюк в воде легко выплыть. А то, что ширинок нет... Так это привет от царя Петра Первого. Увидел он раз, как матросы нужду малую справляют, и у всех штаны спущены, потому что ширинок тогда не было. Не понравилось ему, что экипаж голыми задницами сверкает. Приказал клапан специальный придумать на передней части на пуговицах. Так что в таких брюках можно и нужду справить, и зад у тебя при этом остается прикрытым...

Тот, кто уберег личные деньги во время послебанного переодевания, рисковал потерять их ночью, когда старшины прощупывали уложенную рядом с кроватью форму. Очередным утром простонал армянин из взвода Воронок:

– Вай, двадцать пять рублей в комсомольский билет между обложкой и последней страницей вклеил. Нашли! Украл!

Кормили в экипаже очень плохо. В столовой за столом на десять человек – кастрюля с прозрачным супом, немного каши, и на брата – по полстакана несладкого компота да по паре кусков хлеба. Все молили бога, чтобы за стол не сел старшина, который выловит из супа всю призрачную гущу и хлеба возьмет, сколько захочет. Первые три дня Воронок даже в туалет-«гальюн» по-большому не ходил – нечем было. Как тут не вспомнить материнские пирожки. С мясом, с груздями, с черникой...

В казарме стоял жуткий холод. Все спали под тонкими одеялами, свернувшись калачиком, как щенки. Просыпаясь среди ночи от желания сходить по малой нужде, думали, что делать: как-то дотерпеть до утра или все-таки встать, одеть солдатские сапоги, которые им почему-то выдали к морской форме, и тащиться через продуваемый плац к гальюну. Еще был соблазнительный вариант – просто завернуть за угол казармы. Но тут тоже надо было думать. Если поймают, то на целый день потом отправят чистить гальюны. Многие, однако, рисковали, и каждое утро угол казармы покрывался желтой ледяной корочкой.

Днем жутко хотелось пить. В казарме стоял положенный уставом бак с водой. Но чтобы он всегда был полон, пить из него старшины запрещали. Один из молодых матросов, надеясь, что никто не заметит, выпил кружку, и тут же был «прихвачен», наказан. Старшины влили в «пролетчика» столько воды, что того стошнило – фонтан из горла бил на несколько метров.

Днем новобранцев заставляли маршировать строем по плацу. Еще были политзанятия. На них рассказывали что-то про очередной Пленум ЦК КПСС и агрессивную политику блоков НАТО и АСЕАН. Все ждали, когда начнется то, из-за чего лучше «шкертануться». Но в первые дни экипажцев мучили лишь досадные недоедание и недосыпание. К остальному все как-то потихоньку приспособились.

Поначалу каждый подолгу искал друзей и знакомых среди одинаково стриженных «под ноль», одетых в одинаковые матросские голубые робы. Но потом научились узнавать по плечам, по походке, по таким, оказывается, разным шеям.

Тот, кто умудрился каким-то образом сохранить денег, подпитывался в экипажеской чайной, покупая, пока не видят старшины, печенье и сгущенку. У Воронка денег не осталось, но он не особо сильно голодал. Именно к нему почему-то подошел Горохов из их роты:

– У меня деньги есть. Сходишь за жратвой в чайную?

Это было опасно: поймают старшины и деньги отберут, и пошлют на грязные работы. Поэтому Горох сам и не шел, искал, кто рискнет за него. Воронку кушать очень хотелось, так что у них организовался тандем. Неизвестно из каких «шкер» Горох доставал деньги, но Воронок каждый день бегал в буфет. Они уходили пиршествовать на пустующую спортплощадку. Разъедали там на двоих пачку печенья и распивали банку сгущенки.

Досыпали свое на политзанятиях и в клубном помещении, в которое несколько раз в неделю загоняли матросов на просмотр фильмов. Спать в кино старшины запрещали, но все молодые матросы смыкали глаза, как только гас свет. Все очень радовались, если фильм оказывался двухсерийным.

Новобранцы ожидали, что их будут учить морским узлам, сигнальному искусству, устройству кораблей, определять долготу и широту. Но кроме строевой подготовки, политзанятий и уборки территории были еще только работы на складах Ванино. Каждый день туда отправляли не меньше половины обучаемых. И все были счастливы попасть на эти склады. Работа там оказалась не такой уж тяжелой: нужно, никуда не спеша, перегружать ящики. В них – пряники, печенье. На складах даже выпить можно было, так как приходилось таскать ящики и с сухим вином. Завскладом, понимая, что матросов невозможно остановить, уговаривал:

– Только целые бутылки не открывайте, пожалуйста. Пейте из боя.

В ящиках частенько попадали битые, наполовину полные вином бутылки. Но если такие долго не отыскивались, то кто-нибудь, как бы случайно, ронял ящик на землю:

– Ой!

Слышался звон, и из ящика начинала течь струйка вина. Ящик поднимался на руках вверх и передавался от одного к другому запрокидывающему голову: отфильтрованное картоном от битого стекла вино лилось в страждущие глотки.

Почти каждый раз Воронок вместе с товарищами возвращался со складов навеселе. Чтобы избежать наказания от непосредственных командиров, молодые матросы прятали в рукавах шинелей несколько целых бутылок. Старшины были довольны. Принимая бутылку от пьяного молодого матроса, одобрительно хлопали его по плечу:

– А ты шаришь, братан!

Так что все было в полуэкипаже не так уж и страшно. Правда, расслабленные, прикомандированные с кораблей старшины загадочно качали головами:

– Здесь вы, как в пионерском лагере. Вот попадете на «коробку», там узнаете, каково оно...

В свободные минуты экипажовцы перекуривали и смотрели за Татарский пролив. В хорошую погоду через него было видно Сахалин:

– И куда мы попадем после экипажа? На большой корабль или на маленький? А может, здесь остаться, в командной роте? Писарем или еще кем?

Старшины с разных кораблей, отвечая на вопросы, спорили меж собой:

– Лучше на большой корабль идти! В дальний поход можно попасть, границу увидеть.

– Нет, самое то – на маленький катер: ракетный или торпедный. Там экипаж дружный.

– А на большом корабле качает меньше!

– А на катерах шоколад дают за вредность...

В одном бывалые старшины сходились:

– Не оставайтесь здесь в командной роте. Во-первых, моря не увидите и не станете настоящими моряками. О чем дома будете рассказывать: как молодых по плацу гоняли? А не дай бог, спишут тебя потом с экипажа на «коробку», так там по полной припомнят, как ты тут над призывниками изгалялся. Будут гонять все три года, как молодого...

Экипажевцы серьезно задумывались над этими словами. Действительно, в отличие от старшин, прикомандированных с кораблей на время, военнослужащие местной командной роты были очень злобными. Они все время орали на молодых матросов, пинали их, особенно яро гоняли на строевых занятиях и любых работах. Остаться среди этих сухопутных тварей, носящих морскую форму, никому не хотелось.

В один из дней объявили:

– По флоту и всем вооруженным силам объявлена боеготовность номер один: скончался генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев...

Новым «генсеком» стал председатель комитета государственной безопасности Андропов...

До конца положенных сорока пяти суток обучения оставалось еще две недели, когда на утреннем построении появился чужой офицер. Его представили:

– Сейчас перед вами выступит капитан-лейтенант Жабиков, военный дирижер с крейсера «Александр Суворов».

Слова «капля» взбудоражили всех экипажевцев:

– В наш корабельный оркестр срочно требуется пополнение. Если кто-то из вас хорошо играет на музыкальных инструментах, приходите после построения в клуб...

На прослушивание двинулась едва ли не половина новобранцев:

– Здорово: и на крейсер, и в музыкальную команду, где по-легкому можно три года отслужить...

Воронок тоже решил попытать счастья и отправился в клуб. Когда до него добралась очередь, вошел в комнату, доложил:

– Играю на губной гармошке.

Офицер, глядя в какие-то свои записи, кивнул:

– Играй.

Сергей шмыгнул носом:

– Только ее украли...

Дирижер поднял голову, поморщился и, видимо, решив, что Сергей врет, махнул рукой в сторону выхода из комнаты. Потом вдруг всмотрелся в забракованного «гармониста»:

– Как ты сказал?

Сергей повторил:

– Украли мою гармошку.

«Каплей» вслушался в его голос, приказал:

– А ну-ка спой что-нибудь!

Сергей затянул «Вечерний звон». И тут же за дверью стих галдеж ожидающих: так мощно и проникновенно Воронок пел одну из своих любимых песен.

Дирижер покачал головой и записал что-то на листке бумаги:

– Вот что, воин, берем тебя на «Суворов». Только гармошка нам не нужна. Да и петь у нас есть кому. Тромбон нужен.

Сергей растерялся:

– Тромбон?.. Но я не умею.

Дирижер зевнул и посмотрел на часы:

– Слух у тебя есть, так что научим. Нотную грамоту знаешь?

– Нет.

– Тоже поднатаскаем...

Воронок был не очень уверен в том, что справится и с тромбоном, и с нотной грамотой, поэтому попытался возразить:

– Но...

Дирижер, однако, снова махнул рукой в сторону выхода из комнаты:

– Решено. Не хочешь – заставим. Как, говоришь, твоя фамилия?

Так Сергей попал в список для отправки на «Суворов». Вместе с ним на крейсер должны были уйти еще два человека для оркестра и три десятка для пока неясно каких подразделений. Старшина, прибывший вместе с офицером-дирижером, объяснил:

– Возьмем из экипажа пополнение сразу, чтоб второй раз после окончания курса молодого матроса за вами не приезжать.

Все, определенные на «Суворов», срочно получили вещевого аттестат. Помимо уже носимой шинели, робы, портянок, сапог и шапки, им выдали носки, бушлат, синюю фланелевую рубаху-«фланельку», шерстяные брюки, черную и белую бескозырки-«бески», зимний теплый тельник, хромовые выходные ботинки-«хромачи», ленточку «Тихоокеанский флот», «гюйс», а еще нагрудник-«сопливчик», заменяющий шарф, и три подворотничка к нему.

В срочном порядке приняли присягу. Для Сергея процедура прошла как в тумане. Голодный, невыспавшийся, переполненный эмоциями и мыслями о дальнейшей службе, он даже не понимал смысла текста, который читал вслух перед строем.

Утром в день отправки к Воронку подошел старшина с черным кудрявым чубом, сопровождавший «суворовского» дирижера, протянул газету сахалинской флотилии «На страже Родины»:

– Я тут кое-что написал...

Просмотрев газету, состоящую всего из двух страниц, Сергей понял, для чего после присяги старшина спрашивал его фамилию:

«Утро. Над нашей необъятной Родиной начался новый день. Вполне обычный выходной день для большинства советских людей, которые спешат по своим воскресным делам. А где-то на морских, воздушных и сухопутных постах меняют друг друга часовые Родины, зорко охраняющие мирный труд нашего народа. Совсем скоро в один строй с ними станут и эти парни, лишь недавно надевшие черные шинели. Впереди у них – и первая вахта, и первые встречи с морем. Впереди много трудного и интересного. До этой поры им осталось только несколько часов. Сегодня – день принятия военной присяги. И поэтому он для молодых моряков особенный.

– ...Становись! Равняйся!.. Смирно!..

Замерли стройные шеренги. Серьезные, сосредоточенные лица. Посланцев советского народа, людей с такими непохожими характерами объединило в матросском строю одно – чувство безграничной любви и преданности Отечеству своему – Советскому Союзу. Служить им теперь вместе, плечом к плечу, делить поровну радости и невзгоды, высоко нести крепкую флотскую дружбу.

– Шагом марш!

Перед трибуной идут новобранцы, точно на гигантском барабане чеканят по асфальту строевой матросский шаг. Шеренга за шеренгой. Строго в затылок и по росту... Идет и матрос Сергей Воронко. Вся служба у него еще впереди. Родился и вырос он в деревне. И, хотя свободного времени у селян выпадает не так уж много, Сергей всегда старался быть в курсе событий, происходящих в мире. Замечал, что международная обстановка становится все более и более напряженной. Думал: а ведь скоро и мне предстоит заступить на пост вооруженного защитника Родины. Ответственное дело, всенародное. Значит, нужно служить так, чтобы не легла тень войны ни на один советский город, ни на одно советское село.

И вот, наступила та торжественная минута, которую так ждал каждый молодой моряк. Не шелохнется ни один в ровной, вытянувшейся струной шеренге. В глазах каждого – нетерпеливое, трепетное ожидание: скорее бы! Блестят на груди автоматы, горят огнем надраенные бляхи с якорями. На какое-то мгновение над строевым плацем повисла торжественная тишина, которую прерывают лишь взволнованные голоса тех, кто принимает военную присягу.

... – Матрос Воронко!

– Я!

– Выйти из строя!

– Есть!.. Матрос Воронко для принятия военной присяги прибыл!

И вот уже Сергей повторяет текст присяги, глубоко запавшие в память и сердце слова:

– Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству...

Один матрос меняет другого, разные голоса, но в них одинаково чувствуется уверенность в себе, уверенность в своих товарищах:

– Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины

– Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами...

Сколько советских парней повторяли слова присяги! И ни для кого не стали они обыденными. Для каждого они – торжественно высоки, так же, как и слова: Родина, мать...

Не вышли еще из памяти матросов митинги на заводах и в институтах, на которых гневно осуждалась агрессивная политика Белого дома и НАТО. Среда подписей под протестом против безумной политики администрации Рейгана были и их подписи.

– Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся...

Присягу принял последний матрос. Теперь все они – вчерашние новобранцы, – стали полноправными защитниками своего многонационального свободолюбивого и гордого социалистического Отечества.

Колонны матросов проходят торжественным маршем. Идет молодое пополнение на корабли и в подразделения. Они станут скоро к штурвалам, к механизмам машин, артиллерийским установкам – бдительные воины, полные решимости дать отпор любому агрессору. Решимости подтвердить ратным трудом каждое слово Заявления Генерального Секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Ю. В. Андропова.

Военкор, старшина 1 статьи В. Солдаткин»

Пока будущие «суворовцы» собирались, Сергей успел вложить тоненькую газету в конверт и отправить домой. О нем уже писали в местной «районке» после выступления на областном конкурсе художественной самодеятельности. Тогда деревенские соседи матери завидовали:

– Алевтина, читала уже? Про твоего сына прописали. Скоро в «Правде» портрет твоего певца пропечатают. Наверняка!

Мать отмахивалась, но ей, конечно, было приятно...

Из Ванино снова на поезде их перевезли к новому месту службы – во Владивосток. Мельком увидев город, оказались на большом причале, подошли к трапу с надписью «Александр Суворов». Поднялись на корабль. Прошли по деревянной палубе, спотыкаясь о металлические рельсы. Спустились в люк и зашагали по длинному, узкому, тускло освещаемому коридору. Не матросы, а какие-то черти в полугражданской одежде кричали со всех сторон из полумрака:

– Шкертуйтесь, «караси», шкертуйтесь!

Но уже пуганные вчерашние «экипажевцы» знали, что наверняка все не так уж страшно: матросы их в шутку пугают.

В большом светлом помещении остановились. Старшина, шедший первым, достал список и объявил:

– Прибыли. Здесь в клубе вас разберут по подразделениям.

«Экипажевцев» тут же окружили здоровые усатые мужики в тапочках, тельняшках и кто – в спортивном трико, кто – в матросской робе:

– Специальность есть?.. Откуда призвали?.. Музыкант?..

Всех быстро разобрали по подразделениям. Воронка тоже увели:

– Тромбонист, значит? Не из Ташкента? Я тоже не из Ташкента. Земляки!

Сергей хотел было объяснить, что никакой он пока не тромбонист, но забравший его усатый, рослый дядька с лычками на погонах робы не слушал:

– Иди за мной и всегда слушай меня. Я – твой командир отделения, старшина 1 статьи Виктор Палыч Бесхозный – «туба» в оркестре. Есть хочешь?

Еще бы он не хотел – после полуголодного экипажа и дороги, в которой они выменяли у проводника вагона сухой паек на водку. Рот Воронка мгновенно заполнился слюной:

– Хочу.

– Кто бы сомневался, – усмехнулся старшина и кивнул: – Сейчас поешь, как раз ужин...

Через минуту они оказались в кубрике, заполненном двухъярусными койками, в проходах между которыми стояли столы. За ними на подкоечных рундуках сидели в робах, тель-

няшках, трико усатые и безусые, здоровые и не очень матросы, всего человек двадцать. Все с любопытством смотрели на Сергея:

– Здорово, мышонок! Бес, откуда он? Нет, не земляки...

Приведший Воронка старшина Бесхозный, которого также звали и «Бесом», показал на ближний стол:

– Садись, это будет твой бак. – Одному из сидящих за столом-баком матросов приказал: – Кoryто, ну-ка, давай нам почифанить.

Как догадался Сергей, «чифаном» называли пищу на корабле. Уже позже он узнал, что само слово «чифан» китайского, «соседского» происхождения и означает «еда», «кушать рис». На Черноморском флоте, когда говорят о приеме пищи, употребляют «бакланить». На других флотах «рубают».

За соседний бак усадили приведенного из клуба другим старшиной еще одного молодого матроса – Удочкина. Это был здоровенный детина, игравший на маленькой флейте. Прежде Воронок с Удодом почти не общался – тот числился в другой экипажевской роте. А теперь вот оказались в одном кубрике, за разными, правда, баками. В оркестре должен был быть и еще один экипажевец, игравший на баяне, но его при разборе в клубе перехватило какое-то другое подразделение: то ли кочегары, то ли провизионщики.

Сергей быстро съел полную алюминиевую миску борща и четыре куса хлеба. Оторвав глаза от ложки, увидел, что все, улыбаясь, смотрят на него:

– Еще хочешь?

Он кивнул. Ему налили еще полную миску борща. Воронок съел и ее, и еще две миски гречневой каши с кусками мяса. Выпил кружку сладкого компота и, тут же разомлев, подумал: «Жить можно...»

Сергей не заметил, как исчезла посуда с бака, как был сложен-«подрублен» и куда-то убран сам бак. Потом Кoryто вместе с еще несколькими молодыми матросами вспенили мыльную воду в большом тазу-«обрезе» и разлили ее по покрытой линолеумом железной палубе кубрика. Приборщики растерли пену щеткой и стали собирать теперь уже грязную воду обратно в обрез. Они брали тряпку-«ветошь» двумя руками и тянули с одного конца кубрика до другого. Там выжимали воду в обрез и повторяли движение, сдвигаясь в сторону и постепенно высушивая все пространство. Сергей наблюдал за тем, как «тянут палубу», с рундуков, куда его загнали, чтоб не путался под ногами.

Потом по трансляции раздалась команда:

– Малый сбор!

Все двинулись из кубрика на вечернюю поверку. Бесхозный остановил Воронка:

– Можешь сегодня не ходить. Потеряешься еще...

Сергей так и остался сидеть на рундуках. Глаза его быстро схлопнулись. Очнулся от того, что кто-то толкнул его в плечо:

– Але, мышонок, харэ долбиться!

Он открыл глаза. Рядом стоял Кoryто. Из угла кубрика слышалась медленная музыка. Там был проигрыватель. Возле него перебирали грампластинки несколько усатых матросов, среди которых находился и его командир отделения – Бесхозный. Поставили новую пластинку, и ритм ускорился. Бес довольно кивнул головой и махнул Воронку:

– Гребь сюда!

Сергей слез с рундуков и подошел. Бес весело смотрел на него:

– На гражданке танцы-дискотеки еще есть?

– Конечно, есть! – удивился вопросу Воронок.

– А танцуют как?

– Да по-разному.

– Ну, покажи как.

Сергей замялся. Он любил танцевать. Они с Мариной в клубе ни медленные, ни быстрые не пропускали. Но танцевать в одиночку, под взглядами обступивших со всех сторон усатых мужиков...

Бес усмехнулся, сверкнув железной фиксой:

– Да ты не стесняйся. Нам просто интересно. Вот тебе еще компания.

К проигрывателю вытолкнули и Удочкина. Здоровенный Удод, покорно опустив плечи, смотрел в пол.

Старшине между тем протянули бутылек одеколона и небольшой плафон от аварийного освещения. Бес набулькал в него душистой жидкости и выпил, занюхав кусочком сахара. Налил еще и протянул плафон Сергею:

– Давай, Воронок, с прибытием на боевой корабль!

Сергея, не раздумывая, влил в себя вонючую жидкость: ему было все равно, что пить – лишь бы затуманить сознание.

Потом они танцевали с Удодом. Вернее, двигал руками и ногами больше Сергей. Удочкин, как медведь, топтался на месте. Воронок же представил, что он танцует рядом с Мариной, и выделял «па», которые только-только стали модными у них в деревне. Стоящие вокруг усатые мужики озадаченно переглядывались:

– Вот оно как теперь...

Потом все улеглись по койкам-«шконкам». Воронку выделили матрас, подушку, одеяло, простыни. До тех пор пока не освободится «шконочка», спать ему, как и другим молодым матросом, предстояло на рундуках.

– Ложись на моем, – указал Бес, – заодно имущество будешь охранять...

Так и не поняв, о какой охране идет речь, Воронок быстро раскинул матрас на трех рундуках под шконкой Беса.

Сергей не помнил, как заснул тогда. Разбудил его Гимн Советского Союза, который в шесть утра по будням и в семь по воскресеньям поднимает экипаж корабля:

«Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина – сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
На правое дело он поднял народы,
На труд и на подвиги нас вдохновил!

В победе бессмертных идей коммунизма
Мы видим грядущее нашей страны,
И красному знамени славной Отчизны
Мы будем всегда беззаветно верны!»

Тем утром Сергей готов был служить верой и правдой. И дальше все пошло вроде, как он задумал: всего лишь через несколько дней, после того как молодое пополнение прибыло на корабль, «Суворов» отвалил от стенки.

Воронок, оставшийся один в кубрике, с восторгом ощущал, как начала покачиваться под ногами палуба. Он мнил себя уже настоящим моряком и не сомневался, что таковым его теперь признают и Бес, и другие усатые обитатели кубрика, которые должны вернуться в кубрик после отбоя приготовления корабля к бою и походу. Если б Сергей только знал, что его ожидает впереди...

«По морям, по волнам...»

«Пройти незамеченными!»

«Суворов» миновал Патрокл, Ольгу – все бухты, в которых обычно отстаивался рядом с Владивостоком. Вышел за бонь – плавучие заграждения военно-морской базы. Дальше было открытое море.

По кораблю разнеслись три продолжительных звонка:

– «Отбой...»

Все обитатели КДП вылезли друг за другом на площадку. У кого-то громко забурчало в животе, и Белаш, закрывая «броняшку» на замок, заметил:

– Да, почифанить бы не мешало, а? По времени ужинать пора. Никто не видел, что в корабельную провизию перед выходом загружали? Только бы не «сухач»...

Так они называли сушеную, порошкообразную картошку, которую корабельные коки превращали в несъедобную жижу.

– Да я бы даже и сухача съел, – подал голос Шуша.

Старик на это поморщился:

– Тебе любую дрянь давай – сожрешь.

– Конечно, один «сухач» – это дрянь, а вот «сухач» с капустой или цибулей...

– О-о-о, – тут уже поморщились все, кроме Шуши.

Когда в картофельную жижу закладывают еще и разваренную капусту, то чаще всего эта бурда идет прямым ходом в помой. И тогда оставшиеся голодными матросы добывают себе еду, кто как может.

Пасько вспомнил:

– Мне земля с камбуза доложил, что свежую картошку загрузили. И еще куриные желудочки. Много. Теперь недели две будем их на второе есть...

Белаш кивнул:

– Уж лучше желудочки. И салатик бы какой на закуску – капустки свежей, а то красная рыба просто достала. Уже две недели подряд дают.

– Угу, – согласился Пасько, – могли хотя бы селетки для разнообразия дать. Помните, какая жирная, вкусная была в прошлом месяце. Как мы ее с лучком...

Все сглотнули, а Шуша опять возразил:

– Не, красная рыба тоже ничего. Соленая только дюже...

И тут Старик сообразил:

– Да не будет сегодня уже ни салата, на рыбы! Обед-то был, а на ужин закуску не дают...

– Эх, – глотнул свежего морского воздуха и потянулся Белаш, – котлет давно не было.

– И до Нового года не будет, – «успокоил» его Старик.

– Но я-то Новый год буду дома встречать, за нормальным столом: огурчики-помидорчики, омлет из настоящих яиц, а не из порошка... – усмехнулся Вадим, потом вспомнил про Морозова, и улыбка сошла с его лица. – Может быть...

Тут оживился Пасько:

– А не пожарить ли нам картошки? Договорюсь с земелей, отсыплет...

– Что ж, хорошая мысль, – согласился Белаш, стараясь снова забыть про особиста.

Одобрительно переглянулись и Шуша со Стариком:

– Подсолнечное масло у нас еще с прошлого раза осталось, под поелами стоит. Хоть сейчас жарь. Карабас уже точно в КДП не припрется.

– Давайте после ужина, – предложил Белаш, – че-нибудь перекусим по-быстрому, чтобы слюной не захлебнуться, пока картошку будем жарить. А потом уже здесь от пуза почифаним.

– Заметано! – согласился Пасько, – Айда в кубрик?

Минуя площадки других постов, обсуждали: жарить только картошку или еще и тушенки к ней раздобыть. Белаш почти не участвовал в разговоре и мысли о картошке его сегодня не очень радовали.

Только спустились на верхнюю палубу, как раздался новый сигнал: один короткий звонок и один продолжительный. Повторился. И еще раз. И еще.

– «Большой сбор!»

– Поужинали... – чертыхнулся Вадим.

Все обреченно пошли на ют. Подразделения выстроились вдоль бортов в линию: впереди молодые матросы, за ними «годки», поплеывающие за борт. С правого шкафута спустился командир корабля капитан первого ранга Дынин. Он подошел к старшему помощнику, капитану третьего ранга Хайлюку, взял из его рук мегафон, усиливающий громкость голоса.

Моряки не часто видели и слышали своего «папу». Повседневной жизнью корабля тот руководит через старпома, который летает по всем палубам, надстройкам и помещениями, заставляя подразделения и механизмы исполнять то, что они обязаны исполнять. Командир корабля тем временем в своей каюте обдумывает приказы, поступающие из штаба флота, встречается со своим заместителем по политической линии, с помощником, с тем же старпомом, отдельными офицерами, мичманами и матросами, разбирая проблемы и конфликты. Иногда «папа» обходит корабль, чтобы своими глазами увидеть его состояние, глянуть на экипаж. Но чаще командир все-таки у себя в каюте или на мостике, в ходовой рубке, если «Суворов» вышел в море.

Многим матросам кажется, что командир корабля – такой добрячок, к которому по случаю можно прийти пожаловаться. Однако члены экипажа порой даже не задумываются над тем, что Дынин – сам бывший старпом. Чтобы стать командиром корабля, «добрым папой», нужно сначала несколько лет отслужить старшим помощником – «злой собакой». Тем не менее, матросам, живущим в суровых условиях, нужно верить во что-то светлое. Поэтому они с особенным теплом относятся к своему командиру корабля, которого видят редко. Если «папа» появляется на построении, значит, происходит что-то очень важное. Все замерли, глядя на Дынина.

Щелкнув кнопкой мегафона, командир корабля обратился к экипажу:

– Наш корабль принимает участие в учениях флота. Отрабатывается задача поиска вражеских кораблей и скрытного выхода на обозначенные позиции. Весь Тихоокеанский флот будет искать «Суворов». Наша же задача обратная – не дать себя обнаружить и выйти незамеченными к Советской гавани, где продолжится боевая подготовка корабля.

Услышав эти слова, все офицеры, мичманы и матросы оживились, радостно запереглядывались. Еще бы: никакого завода и консервации – идут в море, на учения...

Дынин тем временем продолжил:

– Как вы понимаете, задача у нас очень сложная. Крейсер – не шлюпка: с помощью современных надводных и подводных электронных средств, с привлечением авиационной и космической разведки его не так уж сложно обнаружить. Но... – командир сделал паузу и улыбнулся, – мы пойдем на хитрость. Как только стемнеет, корабль резко изменит курс. Мы выйдем на традиционный морской путь гражданских судов, уберем затемнители из иллюминаторов в кубриках и каютах, включим на палубе свет и музыку, пойдем обычной для гражданского судна скоростью. Ночью нас, скорее всего, примут за круизный корабль и просто не обратят внимания. Чтобы спрятаться, порой надо быть на виду... Разойтись! Команде ужинать!

Все в приподнятом настроении, обсуждая новость, разошлись с юта по кубрикам и каютам. Матросы, как и положено, передвигались по левому борту, офицеры – по правому.

Пасько усмехнулся:

– В какой раз замечаю: толковый у нас командир. Далеко пойдет.

Старик показал пальцем вверх:

– Говорят, в академию собирается.

– Лишь бы штабного взамен не прислали.

– Да, уж, – снова усмехнулся Пасько, – помнишь, как предыдущий в Совгавани швартовался? Бросил якоря через всю бухту у самого города, и к стенке в Бяудэ встать не смог – цепи не хватило. На глазах у города и всех поселков по берегу перешвартовывались. Не командир крейсера был, а позорище Военно-морского флота!..

Белаш чуть притормозил и вгляделся в удаляющиеся по другому борту спины офицеров. Морозова среди них не было. Никому не подчиняющийся на корабле особист, конечно, может себе позволить не выходить на общие построения. Сидит себе в каюте, перебирает бумажки, вызывает. И долбит, долбит, долбит:

– Комсомолец? Поможем в партию вступить... Комсомолец? Поможем в партию вступить...

Вадим покачал головой. Ведь он же мог избежать встречи с Морозовым. Мог вообще не попасть на военную службу. Сейчас бы уже окончил в родном Красноярске геодезический техникум, из которого в армию не призывают. Работал бы, возвращался спокойно вечером домой, садился ужинать вместе с родителями и сестренкой. Отец рассказывал бы о том, как прошел его день на станкостроительном заводе, где он был не последним человеком – мастером токарей:

– Наряды сегодня закрывал. Хорошие деньги в этом месяце мои орлы получают...

Мать – младший инспектор отдела технического контроля, как всегда жаловалось бы на качество работ:

– Брак опять гоним. С военным заказчиком только уладили, а тут еще и экспортную продукцию пришлось заворачивать на разбраковку. Только для внутренних «покупателей» и удалось партию протолкнуть. Даже не знаю, как наш начальник сбыта с заказчиком договаривался, чуть ли не половина продукции – брак... Такая безответственность, такая безответственность... Каждый день брак гоним, чтобы повышенные обязательства выполнить. Мы-то, конечно, получим по итогам года и грамоту, и, наверняка, премию, а вот заказчики комплекующих будут нас на чем свет костерить за бракованную продукцию, мне выговаривать: «Ах, Галина Ивановна, что ж вы нам отгрузили»... Капиталисты так, наверное, не работают, небось, каждую копейку берегут. А у нас столько материала в стружку, в лом уходят, брака сколько на свалку вывозим...

Отец, спина которого ссутулилась от продолжительной работы за станком, начнет распрямляться, возражать:

– Дорогая моя, Галина Ивановна, ну, не все у нас бракоделы. Мои ребята, как и положено, в точных допусках работают. Я сам все проверяю...

Мать вздохнет:

– Ну, разве что только твои и не бракоделы...

Отец ее подбодрит, качнув головой в сторону сестры:

– Не расстраивайся: Лилька институт окончит, станет инженерно-техническим работником, и враз порядок на заводе наведет. Да, Лилия Петровна, будешь «итээршей» за сто сорок рэ на работе пластаться?

Сестренка, услышав это, разулыбается, тряхнет косичками, которые все грозится остричь и заменить их на «Сассун», как у французской певицы Мирей Матье:

– Деньги в жизни не главное. А порядок-то уж я наведу, поверьте. Ничего с завода не утащите. Несуны... Плохо государство с вами борется!

И следом заулыбаются все за столом, отец немного виновато опустит глаза, спрячет под стол свои руки со шрамами от горячей стружки. Да, приносит он с завода то карман болтов

с гайками, то баночку краски, то моток проволоки, накрутив ее на себя под широким пальто. Выкладывает дома добычу и оправдывается:

– Так ведь в магазинах хозяйственных на полках – пусто, ничего нет. Все несут: кто для квартиры, кто для дачи – кому сколько совесть позволяет. Кто только болты в карманах или проволоку на себе, а кто и на машине под стружкой целые заборы или секции для дачных стен вывозит...

Вадим вздохнул, представив себе за столом всех своих родных: мать, отца, сестру Лиличку. Надолго они засидятся сегодня после ужина: будут разговаривать, спорить... Без него. Мог бы и он быть с ними, но не долго продержался в геодезическом техникуме. Потому что после школы пошел туда не по большому желанию, а просто за компанию с Федором – другом детства. Тот рассказывал, как интересно и полезно для страны делать карты: геологические, строительные.

Красиво все расписал Федор и про тайгу, и про новые города, но учиться в этом техникуме Вадиму было скучно. Девчонок нет, одни парни вокруг, потому что работа у геодезистов предполагается тяжелая. К тому же Белаш зевал на топографическом чтении и картографии. Его просто изводили все эти методы съемок местности, обработка аэрофотоснимков на стереоприборах, создание стереомodelей изучаемой местности. В профессии геодезиста нужно быть точным, аккуратным и педантичным. Все замеры повторяются десятки, сотни, тысячи раз...

Вадим как-то вытягивал нудную учебу несколько первых месяцев, но потом совсем затосковал: Федор разболелся и ушел в академический отпуск. А из сокурсников общительный Белаш почему-то так ни с кем близко и не сошелся.

От скуки решил организовать в техникуме дискотеку. Директор не возражал, но поставил условие:

– Если еще и встречу с ветеранами Великой отечественной войны проведете. Нам для отчета о проделанной патриотической работе нужно.

Чего не сделаешь во имя дискотеки, на которую можно пригласить девчонок из соседнего швейного училища?

Для того чтобы загнать на встречу с ветеранами побольше народу, Белаш объявил, что входные билеты на дискотеку будут раздаваться только тем, кто посетит обязательное мероприятие. Так что актовый зал на встрече с ветеранами был набит под завязку. Директор техникума, всех впускающий на мероприятие и никого не выпускающий, пребывал в полном восторге:

– Ну, Белаш, у тебя такие организаторские способности!

Конечно, Вадим и сам был на той встрече. Ветераны рассказывали о боях с фашистами на фронте, о работе в тылу. Некоторые плакали, вспоминая о том, как у них на руках умирали раненные друзья или как приходилось голодать, если теряли хлебные карточки. Их было несколько – пожилых, очень усталых людей. Особенно запомнился Вадиму один бывший моряк, пришедший в увешенной орденами и медалями форме. Он слушал других, а сам не сказал ни слова. Только уже выходя из зала, презрительно бросил стоявшим в проходе учащимся техникума, среди которых был и Белаш:

– Салаги! Отсиживаетесь в своем техникуме. Думаете, с геодезической линейкой по лесу тяжело бегать? Ерунда! Я вот пять лет на флоте отслужил. Такое видел, что рассказать невозможно. И выжил... Человеком остался....

Никто не придавал особого значения словам стареющего человека. Только Белаша задело услышанное. Он почувствовал вдруг свою ущербность. Вадиму показалось, что это про него сказано: и «салага», и «отсиживаетесь в техникуме». Именно отсиживается, потому что даже толком и не учится. Успеваемость у него – хуже некуда: фамилия попала в списки отстающих.

Вскоре Вадима вызвали на учебную комиссию. Директор техникума, глядя на него, разводил руками:

– Белаш, вы же умный парень. У вас организаторский талант есть. Возьмитесь, наконец, за ум, а то ведь отчислить придется...

А он выпалил вдруг:

– Ну и отчисляйте. – Именно на этой комиссии Вадим понял, что не ту профессию выбрал для себя на будущее. – Я подаю заявление...

А члены комиссии – и даже сам директор техникума – вдруг испугались:

– Что так сразу? Не спешите с решением? Вас же в армию заберут.

Он только пожал плечами. Что ж такого? Все ходят в армию, и он пойдет. Автомат разбирать и собирать на занятиях по военной подготовке научился. На тренировочные сборы после девятого класса школы ездил, жил в палатке. И вообще в слабаках не числился – боксом в спортивной секции занимался. Пошел туда, потому что в районе, где жил, нужно было обязательно уметь за себя постоять. В соседних домах обитало немало «неблагополучных» семей, дети из которых шли по накатанному «маршруту»: начальная школа – спецшкола для малолетних преступников – «зона» для взрослых. Целыми днями приبلатненные пацаны, пропуская уроки, играли на улице в трясучку-орлянку. Каждый стремился, размыкая ладони и показывая монеты, обмануть другого:

– Орел!

– Решка была! Ты повернул! Я видел!

– Че ты гонишь?!

– За фраера меня держишь?!

Копируя своих отсидевших или продолжающих сидеть отцов и страших братьев, пацаны плевались, матерились, угрожали. Часто перепалки кончались драками. Нередко в ход шли ножи, и кто-то прямым ходом убывал в больницу, а кто-то в спецшколу.

Детская комната милиции трудилась на всех парах, но количество мелких хулиганов на улицах не убывало. Возле дома Белаша постоянно отирались Фугас с Горилкой. Звали их так по фамилиям. У первого была Фугасов: коротко Фугас. У второго – Горелов. Горилкой его звали за безобразную рожу. Но так как фигурой на гориллу не тянул, то дали кличку Горилка, был он на подхвате у крепкого Фугаса.

Еще в детском саду схлестывался Белаш с этой парочкой из-за игрушек. А как в школу пошли, Фугас с Горилкой стали с местных пацанов по двадцать копеек себе на игру в трясучку собирать. Вот, чтобы не быть битым и не оставаться голодным в школе, отдавая деньги, выделенные на обед, Белаш пошел в боксерскую секцию. Отправив Фугаса пару раз в нокдаун, а Горилку просто напугав боем с тенью, Вадим завоевал себе авторитет и жил достаточно спокойно в своем беспокойном дворе.

В боксерской секции он, правда, себя не сильно проявил. Не рвался получить спортивный разряд, победить на соревнованиях, да и на тренировках больше внимания общей подготовке уделял, чем спаррингам. В них часто разбивали нос, а он, как оказалось, не мог видеть крови. Только у кого закапает из носа, так в голове Вадима начинает шуметь, перед глазами кружиться. К тому же, когда бил противников на ринге, то чувствовал их боль. Ему становилось жалко своих сверстников, и он частенько проигрывал, теряя концентрацию. Хотя и был крепок физически, но не сильно продвинулся в спорте. И во дворе избегал нарываться на драку. Однако если она оказывалась неизбежной, то всегда с успехом применял бескровную «двоечку»: один удар в челюсть, другой – в печень. После них у любого противника пропадало желание продолжать драку.

Нет, армии Белаш не боялся и потому спокойно ждал вердикта. Члены комиссии, пошумевшись, предложили:

– Мы, конечно, не можем оставить вас в техникуме против вашего желания. К тому же статистику портить не стоит... Давайте отчислим вас с правом восстановления. После армии вы наверняка будете относиться к учебе серьезнее, а при таком раскладе поступать, снова сдавать

экзамены уже не нужно будет, просто восстановитесь и окончите техникум... Вы же умный парень. Потом еще и в институт поступите, хорошим специалистом станете...

Вадиму было все равно: с правом восстановления или без права.

Когда дома объявил о своем решении, то мать сразу расплакалась. Отец своего недовольства не высказал:

– Что ж, и дед мой служил, и отец. И я был в армии.

Мать эти слова распалили еще больше, на ее широком лице даже выступили красные пятна:

– Тогда другое время было! Теперь знаешь, как в армии, говорят, бьют, калечат...

Отец, однако, был тверд. Он сжал свои небольшие, но очень крепкие кулаки:

– Ничего, постойт за себя. Жизнь вообще суровая штука. В восемнадцать лет надо уже начинать это понимать, готовиться, что б тебя потом во взрослой жизни ничто испугать, сломать не могло.

Мать продолжала, приложив руку к груди, к сердцу:

– В Афганистан пошлют – обратно в цинковом гробу вернется. У твоего же токаря Вале-хина сына совсем недавно похоронили.

Это было правдой: в тот год погиб Мишка Валехин из соседней школы. Он был единственным ребенком в семье, мать чуть не сошла с ума от горя. Толковый парень, спортсмен-дзюдоист. На далеком горном перевале пуля оборвала жизнь в восемнадцать лет.

– Да, может быть, и на войну... – не уступал отец, махнув сжатым кулаком, – но и мой батя был на войне. Там действительно калечили, убивали... Но он же вернулся. И я из армии вернулся. К тебе... Каждому выпадает свой век, свои трудности: кто-то воюет, кто-то в гнилые времена тащит службу. Да, там не все приятно. Но если никто не пойдет служить, если все «умные» разбегутся, кто тогда тебя, твою семью защищать будет?

Слезы текли по теперь уже полностью красным щекам матери:

– Ну, зачем, зачем бросил техникум? Что она дает, армия?

При этих словах в отце как будто какая-то пружина сработала, он распрямился так, словно никакой сутулости у него никогда и в помине не было:

– А почему она что-то давать должна? Армия берет в первую очередь. Это наш священный долг – Родину свою, тебя вот, дочку, родителей защищать. Ну, еще и всех других граждан: друзей, соседей... Антошу твоего Васильевича. Он ведь живет, язву свою лечит, язви его душу, работает в институте, детей растит, потому что я в армии был... – отец задумался недолго, разжал кулак, почесал пальцами подбородок. – Но, однако, и дает она, наверное, что-то. Галя, дорогая моя, Галина Ивановна, ну, скажи, пожалуйста, почему ты за меня вышла замуж? За меня, а не за этого Антошу твоего Васильевича...

Мать перестала плакать, вздохнула и обняла отца, прижалась к нему всем телом:

– Ты у меня сильный, надежный. Если вдруг что случится, то справишься с любой бедой...

Отец в свою очередь обнял мать, улыбнулся, хотя и у него заблестели глаза:

– Вот и Вадик, Вадим Петрович Белаш, должен быть таким – сильным, надежным. Чтобы жизнь знал, чтобы справиться смог, как ты говоришь, с любой бедой. И чтобы его полюбила настоящая женщина. Такая, как ты...

Вадим смотрел на прижавшихся друг к другу родителей и сам чуть не плакал...

Устроили проводы. Он уже знал, как все проходит – попрощался с уходящими в армию одноклассниками. Все ребята на проводах веселились, провожающие же их девчонки плакали и обещали ждать. А ему никто ничего обещал. На провода пришли только одноклассницы. Его белокурая, кудрявая, невысокого росточка «Кнопка» была далеко. Ничего у них с ней не вышло. «Дружили» – держались за руки и целовались – два года: то ругались, то мирились, то сходились, то расходились. После школы пошла «Кнопка» в торговое училище, а потом

уехала на Севера – в Норильск – вместе с матерью на заработки. Перед самым ее отъездом окончательно разругались. Пока же учился в техникуме, так постоянную подругу себе Белаш не успел завести: никто из окружающих девушек и близко не был похож на его добрую, умную, «с характером» маму. Наверное, спутницу жизни искать ему нужно было не в его дворе, не в техникуме и не соседнем швейном училище – где-то в другом месте.

Так и ушел Вадим на военную службу, не оставив на гражданке ту, что обещала ждать. Стал переписываться сразу с несколькими девушками – приходят на корабль письма «Самому лучшему матросу», а то и «Самому веселому солдату». Неизвестно где взяв адрес их военного почтового ящика, девушки пишут: ищут, кто – развлечений, кто – свою судьбу. Просят фото. И хотя никто из подруг по переписке особо не нравился Вадиму, он не сомневался, что где-нибудь рано или поздно найдет ту единственную, ту самую лучшую девушку в мире. Которая скажет: «Ты у меня сильный, надежный...»

На призывном пункте в военкомате спросили:

– Есть пожелания по роду войск?

Ему было все равно. Офицер покачал головой и что-то вписал в бумаги:

– В Афганистан пойдешь интернациональный долг выполнять... Сначала – в учебке в Казахстане, а потом – туда, на войну...

На войну – так на войну. После армии уже никакой ветеран не скажет ему: «Салага, отсиживался в техникуме». И отец произнесет с гордостью: «Дед служил, отец. И я служил в армии. И сын мой с честью свой долг выполнил. – И может быть добавит: – Благодаря ему сейчас у нас мирная жизнь в стране...»

Так что спокойно ждал Вадим среди пьяных призывников, когда приедет «покупатель» – представитель воинской части – и увезет их из Красноярска в казахские степи. Но все пошло не так, как должно было. Во дворе сборного пункта построили каких-то ребят, долго пересчитывали. Потом кто-то крикнул:

– Не хватает одного человека!

Ему ответили:

– Возьми любую карточку!

Через минуту крикнули еще раз:

– Вадим Белаш! С нами убываешь.

Он подошел к строю:

– Куда?

Появившийся из-за спины человек в черной форме подмигнул:

– В морфлот, братишка.

– На три года?! – изумился Вадим. О такой перспективе он как-то даже и не задумывался. Готов был два года провести в Афганистане под пулями, но еще один лишний год...

А «покупатель» его «успокоил»:

– Лучше три года пить компот, чем два года рыть траншеи...

Так что не на кого было жаловаться Вадиму. По собственной инициативе оказался он на военной службе, а, стало быть, и на корабле, и в каюте Морозова. Товарищи думают, что Белаша вызвали к особисту из-за Чекина. И это, конечно, могло быть причиной. Но Вадим не сомневался, что дело, прежде всего, в том, во втором разговоре с Морозовым. После первого, пообещав особисту служить делу партии, Белаш постарался сразу же забыть о данном обещании, но через неделю его вызвали снова.

Вадим задумался о том, всех ли Морозов вызывает второй раз? Так же, как вызывал его, Пасько, Матроскина? Вроде бы не всех. Или просто не все рассказывают о своей второй, третьей, четвертой встрече с особистом? Сообщают Морозову то, что требуется, а товарищам о своих визитах умалчивают?

Конечно, после команды «Ужинать!», проводив офицеров взглядом, Белаш не пошел к особисту. Тот ведь наверняка не у себя, тоже «чифанит» вместе с другими звезднопогонными в кают-компании. А вот после ужина идти придется. Куда денешься?! Большой сбор второй раз не сыграют...

На ужин была «сечка» с теми самыми куриными желудочками, о которых говорил Пасько. Шуша с удовольствием наяривал вязкую кашу из дробленого зерна, Вадим же лишь выковыривал из нее мясные кусочки. Впрочем, он жевал их, не замечая вкуса. Вспоминал тот второй вызов к особисту.

Морозов уже не пригласил его сесть. Спросил сразу, как только старшина переступил комингс каюты и закрыл за собой дверь:

– Ты помнишь, о чем мы говорили?

Белаш кивнул:

– Конечно, и я готов помогать Родине, партии, для чего и нахожусь здесь на боевом корабле. Согласно уставу стойко переношу все тяготы и лишения военной службы...

Морозов ухмыльнулся:

– Да-да... Я в курсе, что в последнее время ты очень увлекся изучением дисциплинарного и корабельного уставов.

Вадим с готовностью подтвердил:

– Так точно. Ликвидирую пробелы. Повышаю свою боевую выучку. Как же можно служить и не знать устава. Я ведь еще не уволен...

Морозов продолжал смотреть на него с ухмылкой:

– Значит, хочешь дослужить как полагается... по уставу...

Белаш сделал удивленное лицо:

– Так точно. А разве вы не хотите?

Задать такой вопрос особисту было большой дерзостью. Но Вадим так выпучил глаза, что Морозов чуть не рассмеялся:

– Конечно, хочу. Как все советские офицеры и матросы... Я вижу, Белаш, ты на самом деле умнее, чем кажешься на первый взгляд... Кстати, о чем вы беседуете с офицерами, когда совместно несете вахту на юте?

Вадим как бы задумался, посмотрев сначала в подволок, потом переведя взгляд на портрет генерального секретаря:

– О море, о родных краях, о последних решениях пленума ЦК КПСС...

– Неужели, – удивился Морозов и подсказал, – и, конечно, об уставе?

– Конечно-конечно, – поспешил уверить его Белаш. – Я ведь – младший командир, и должен советоваться с более опытными, старшими по званию боевыми товарищами.

– Ну-ну, – покачал головой Морозов и стал перелистывать какие-то бумажки на столе. Может быть, это было личное дело Вадима, а может, «закладные» бумаги «особых товарищей», вроде Слепы.

Пока Морозов просматривал записи, Белаш перебирал в голове разговоры с вахтенными офицерами: когда, с кем и о чем разговаривали. Четыре часа стоять у трапа корабля скучно. Так что вахтенный со звездами на погонах обычно позволяет себе снизойти до разговора с приданным в помощь старшиной. Как правило, не столько интересуется матросской жизнью, сколько вспоминает свой родной дом, учебу в военно-морском училище, семью.

После длительного периода совместной с офицерами вахты Вадим хорошо себе представлял их жизнь: где и как они учились, квартировали. Сначала он поражался тому, сколько на крейсере офицеров из такого сухопутного города, как Киев. Однако потом осознал, что ничего странного в этом факте нет: в Киеве располагалось высшее военно-морское политическое училище. Поэтому все замполиты и вспоминают Днепр, Крещатик, каштаны...

А вот про семейную жизнь многих офицеров Белаш ничего не мог понять. После окончания военного училища бывшие курсанты убывали к месту службы на Тихоокеанский флот, при этом их молодые жены с детьми и без оставались в Киеве. Такое происходило и со многими офицерами, окончившими Ленинградское Нахимовское военно-морское училище или Ленинградское высшее инженерное морское училище. Их семьи также оставались в больших городах: в Ленинграде или Москве.

Хотя и непонятно это было Вадиму, но он не осуждал тех жен, что остались в далеких городах. Из рассказов офицеров знал, что обычно даже и при очень большом желании получить жилье рядом с местом прохождения службы весьма сложно. Не дают молодым офицерам не то что квартиру, но и даже комнату в бараке. Добыть жилье не просто не только в Техасе, как называют моряки между собой закрытый поселок Тихоокеанский, он же город Фокино с конспиративным почтовым адресом «Шкотово-17», расположенный в сорока километрах от Владивостока. Сложно получить крышу над головой даже и в поселках Бяудэ и Заветы Ильича, что находятся на другой от города Советская гавань стороне бухты. К тому же нет для офицерских жен не только жилья, но и работы. В Техасе на все мучающиеся бездельем семьи офицеров – один завод железобетонных изделий. И в поселках Совгаваньской бухты на должности учителей школы, преподавателей музыки очередь...

Странная получается семейная жизнь. Раз в год летают офицеры в отпуск: кто в Киев, кто Ленинград, кто в Москву. В остальные месяцы лишь шлют домашним денежные переводы из своих хороших офицерских зарплат. Но и те жены, которые все-таки перебрались на Дальний Восток, практически не видят мужей. Крейсер – то в Совгавани, то во Владивостоке. И даже если семья твоя в Техасе, то попробуй-доберись до нее с тридцать третьего причала Владивостока, когда у тебя нет схода с корабля: каждый день дежурства да вахты...

Конечно, Белаш не стал говорить Морозову о том, что знает, как живут-маятся офицеры. Не его это дело – в жизни старших «товарищей» копать. А вот об уставе, почему бы с офицерами и не поговорить. Но об этом откровенничать перед особистом он не собирался. Потому что об уставе Вадим говорил только со старшим лейтенантом Голиковым – командиром четвертой башни. А откуда Морозов знает об этих «уставных» разговорах? Сам Голиков едва ли рассказывал что-либо особисту. Кто еще в курсе? Белаш не раз говорил в КДП об уставе и, кажется, при этом упоминал Голикова. Но в боевом посту рядом с Вадимом были только свои, проверенные Пасько, Старик, Шуша. «Стукач» Слепа при тех разговорах не присутствовал – его место в помещении электрической агрегатной...

Еще к ним в КДП часто забегает «Матроскин». Настоящая его фамилия не очень подходит к флоту – Солдаткин, потому-то и «перекрестили». Служит Матроскин наборщиком в корабельной типографии. А заодно пишет в корабельную и флотскую газеты и еще в боевой листок, который рассказывает о жизни подразделений и висит на почетном месте в каждом кубрике «Суворова». Вадим давно дружит с «питерцем» Матроскиным. Веселый, умный парень, хороший рассказчик, балагур. Не может он быть «стукачом»...

Морозов тогда отложил в сторону какой-то документ и кивнул:

– С таким рвением в конце службы изучать устав – это похвально. Очень, очень похвально, – вцепился взглядом в Белаша. – И что же думают о корабельном уставе наши офицеры. Может, считают его недостаточным? Может, в нем требуется что-то изменить? Дополнить? Что-то убрать?..

Белаш нахмурился непонимающе:

– Нет, что вы... Устав написан кровью многих поколений моряков, и его нужно всячески придерживаться...

Морозов скривился:

– Похвально-похвально... Но почему некоторые матросы его не придерживаются? Что там случилось с вашим младшим товарищем в носовой группе управления? Как могло такое произойти?

Конечно, особист знал о Чекине, окончательно уверился Белаш. И Слепа все видел, и еще полкубрика. Но ведь в этом не было ничего необычного. Это происходит со всеми «годками» и «карасями», во всех кубриках. Этим даже офицеры грешат.

Вадим покачал головой:

– Если такое и случается, то это неправильно. Нужно придерживаться устава...

– Похвально-похвально... – снова повторил Морозов. – Как ты знаешь, согласно уставу, и наказания могут последовать. Какие можешь назвать наказания?

Белаш с готовностью отрапортовал:

– Выговор, наряд вне очереди...

Морозов махнул рукой:

– Ну, это за мелкие провинности. А за серьезное нарушение устава?

Вадим и тут не медлил:

– Гауптвахта...

Морозов опять скривился:

– А за преступления, что делают с военнослужащими?

Тут Белаш ответил не сразу:

– Дисбат... Дисциплинарный батальон...

– Вот именно, дисбат, – удовлетворенно кивнул Морозов, уловив тревогу в голосе Вадима, – год-два, которые не включаются в срок прохождения военной службы. Если отслужил два года, то плюс, например, еще год дисбата, и только потом уже свой оставшийся год дослуживать. И даже те, кто уже три года отслужил, будут свой срок в дисбате от звонка до звонка отбывать. Не так ли, знаток устава?

– Так точно, «та-ша», – выпалил Белаш.

Морозов как бы добродушно кивнул:

– А чем в свободное время с товарищами занимаетесь, кроме изучения устава?...

Тут Вадим как бы глубоко задумался:

– Ну... читаем газеты: корабельную «На боевом посту», нашей флотилии «На страже Родины», еще нашего Тихоокеанского флота «Боевую вахту», еще «Комсомольскую правду» и, конечно, «Правду» – коммунистический орган. Еще изучаем материалы 26 съезда КПСС, Продовольственную программу, принятую на майском Пленуме ЦК КПСС для преодоления товарного дефицита в стране...

– Камасутру... – продолжил Морозов, – для преодоления какого дефицита?

«Известно какого!» – чуть не высказался Белаш вслух. Но промолчал. Вот с этим-то все было ясно. Это точно Слепа заложил. По кораблю ходит тетрадь с переписанной от руки Камасутрой, которую читают в кубриках и постах, поодиночке и хором: «Двойной лотос», «В тисках любви», «Игра на флейте»... Но за это же весь корабль не накажешь.

– Как вы сказали? Кама... – уточнил Белаш.

Морозов не стал повторять, спросил о другом:

– А нравится ли тебе борщ по-флотски?

Белаш пожал плечами:

– Нормально. У нас хорошие коки. Иногда, правда, пересаливают, но...

Особист усмехнулся:

– Я имею в виду записки Матроскина.

Конечно, понял Вадим, и это особист знает. Ну, тут уж Матроскин сам виноват. Кроме заметок в газеты пишет еще книгу о морской службе «Борщ по-флотски», и дает почитать

тетрадку со своими записями всем подряд. И Слепа, помнилось Белашу, спрашивал, увидев у него в рундуке и прочитав надпись:

– Что за тетрадь? Что за «Борщ по-флотски»?

Слепе Вадим тогда указал:

– Не твое дело!

А Матроскина упрекнул:

– Не боишься, что узнают о твоих произведениях там, где не следует?

Тот только отмахнулся:

– Я же постоянно пишу. В боевой листок, в корабельную газету, во флотскую. Так что, если поинтересуются, скажу, мол, это заготовки новых материалов. Для «Правды». А?!

– А почему фамилия не своя?

– У меня и так в газетах материалы под разными псевдонимами выходят. Это ж не я придумал. В редакции предложили, чтобы одна и та же фамилия часто на полосах не мельтешила. – Матроскин во время того разговора хлопнул Белаша по плечу: – За меня не переживай, вряд ли кто тронет. Я ж в каждом материале пишу то про съезд партии, то про социалистическое соревнование. Особист молиться должен на Матроскина за такую идеологическую работу и пропаганду...

Вадим не очень-то верил, что Морозов будет на флотского военкора молиться. Однако согласился, что того взять за зябры не так-то просто. Матроскин даже в отпуск ходил по политической линии. Получил его на День советской печати приказом начальника политотдела флотилии: это тебе не хухры-мухры. Так что за Матроскина волноваться не стоило. Но Вадим думал о том, что ответить Морозову про тетрадку?

А тот продолжал наседать, вцепился как краб:

– Белаш, какой-то ты не разговорчивый. Ведь мы же вроде прошлый раз договорились, что будешь помогать. Ты же – комсомолец, без сомнения – будущий коммунист. Бог с ними: и с... Чекиным, и с «Камасутрой», и с «Борщом по-флотски». У тебя же наверняка есть что рассказать и более интересное? О чем твои друзья в последнее время говорят, что замышляют? Ты же не можешь уволиться, уйти с корабля, не оказав помощь партии, Родине?

Белаш, сделав виноватый вид, кивнул несколько раз:

– Да, я обещал. И я это..., я обязательно... Я как только что-то узнаю...

Особист снова глянул в бумаги перед собой:

– Сколько дней назад наш разговор был? Ага... Неделя уже прошла... За это время у тебя много чего должно было появиться такого, что было бы мне интересно.

Белаш пожал плечами. Морозов же хмыкнул:

– Хм, скажите, пожалуйста... – Потом вдруг поинтересовался: – Слушай, а брага из чернослива, говорят, вкусная? Сколько времени вызревает? Меня это так, из чистого любопытства интересует...

«Вот, черт! – выругался про себя Белаш. – И про это знает». Буквально два дня назад Игорь Хвостов – «годовик» Вадима, – поставил на своем заведовании брагу. Как раз на черносливе. Хвост – известный специалист по браге. Делает ее буквально из всего: из риса, из томатной пасты, из компота. Земляк ему из пекарни дрожжей и сахара подбрасывает. Бутылку же десятилитровой Игорек у химиков разжился.

Как-то раз Хвост в КДП ставил брагу за дальномером, укутав одеялом. Но опасно было это дело здесь организовывать: «Карабас» нет-нет да и проворачивает пост – бутылку быстро найдет. Много мест перепробовал Игорек, но по его словам, лучшей «шкерой» являлась каюта командира корабля. Будучи ее приборщиком, Хвост неоднократно ставил там брагу, пока не провинился: не удержался и съел сметану из командирского холодильника. Тогда «папа» взял себе нового приборщика. Хвост по этому поводу здорово переживал. Не из-за сметаны – из-за идеальной «шкеры» для браги. Кто будет проворачивать каюту командира? Шикарную по

корабельным меркам «квартиру» в три помещения: кабинет, где Дынин работает и принимает подчиненных по разным делам, спальня и галлюн, в котором унитаз стоит и зеркальный умывальник в углу располагается. Там, за умывальником, пространство есть, в котором как раз можно бутылку на шкере подвесить. Каждый день командир корабля смотрит в зеркало, умывается или бреется, и ни сном ни духом, что там, за этим зеркалом, брага вызревает...

После того как Хвоста выперли из приборщиков командирской каюты, стал он ставить брагу прямо рядом со своим постом – боевой рубкой. Напротив входа в нее есть небольшое ЗИП-помещение, там всякие запасные детали, инструмент, принадлежности лежат и еще завал из щеток, швабр, ветоши. Так вот, он под ветошью свою бутылку и укладывает без всякой боязни. Понял, что чем ближе к командному составу, тем больше шансов на то, что там не станут искать неположенные предметы. Мимо его бутылки каждый день куча офицера в боевую рубку шастает. А как никого нет, так Хвост прикладывается к своей бутылке, а потом запирается изнутри бронированного поста, залазит на стол для графической прокладки пути корабля и спит. Говорит: «Мне много спать положено для заживления боевых ранений». В сыром климате не зарастают у него давно сбитые комингсами голени. Даже в госпитале Хвосту с задницы пересаживали кожу, а все не заживет...

Знал ли Морозов о командирской браге – не известно, но вот о той, о черносливовой, что зреет рядом с боевой рубкой, точно ведает. И об этом он разнюхал, как и про разговоры об уставе с офицерами, скорее всего, не от Слепы. Белаш начал подозревать, что кто-то еще изъявил желание вступить в партию.

Что должен был ответить Вадим особисту? Имелось такое дело – залетал Белаш за пьянку. На девятое мая – День победы – в КДП осушили с «корифеями» очередную бутылку Хвоста, и, будучи изрядно поддатым, Белаш не пошел на вечернее построение. А в тот раз «бычок» – командир артиллерийской боевой части, – уперся и по спискам всех «годков» стал на ют вытаскивать. Пришлось, покачиваясь, явиться пред ясные очи и Вадиму. Результат: от комдива «двадцать дней без берега» и от бычка «трое суток карцера».

Такие наказания назначаются устно и никуда не записываются, чтобы не портить корабельную дисциплинарную статистику. Разве что к особисту в записи такое попадает.

За ту брагу Белаш в карцере свое отсидел. А в данном случае он лично еще ничего неположенного не сделал и про черносливовую брагу Хвоста знать не обязан. Так что мотнул головой:

– О чем вы говорите? На корабле нельзя распивать спиртные напитки. Я это давно осознал. Исправился, в распитиях не участвую, и рецептами всякими неположенными не интересуюсь. Все свободное время устав изучаю...

Морозову, видимо, такой разговор надоел:

– Знаешь, дорогой, не было еще таких орлов, которые бы отказывались сотрудничать с особым отделом, партией и со мной лично. Я любого заставлю Родину любить и меня уважать! – Он сделал паузу. – Подумай хорошенько! Это ведь у тебя еще только срочная служба кончается, а впереди жизнь. Длинная жизнь. Мы ведь можем помочь тебе после службы поступить, хочешь, в военное училище, хочешь, в хороший ВУЗ... И дальше помогать будем...

Белаш поторопился высказать благодарность:

– Спасибо, конечно, но...

Морозов прервал его:

– А будешь дурачка из себя корчить, не станешь сотрудничать, так одни проблемы поймешь... Ты форму на сход подготовил?

Белаш ничего не ответил, и особист продолжил:

– Наверное, клешами обзавелся? Каблуки набил. Тельник и бушлат у тебя совершенно новые. Откуда, кстати, если последний тельник тебе год назад давали, а бушлат – полтора?

Может быть, купил? Когда, где, за сколько? Ты их в продаже-то видел? Когда, в какой магазин тебя за ними отпускали?

Да, тельник, хотя вещь и недорогая, а в магазине не купишь – можно только в положенное время вещевым аттестатом получить. И с хромачами, с бушлатом – та же история. Да и денег у матроса лишних нет. Проще забрать перед сходом аттестат у молодых матросов, которым новые вещи все равно ни к чему: им ни увольнение, ни, тем более, отпуск не светят. А подойдет их черед увольняться, также заберут новый аттестат у следующего поколения молодежи.

Морозов усмехнулся:

– Тебя ведь по приказу, когда можно уволить, с корабля отпустить? Даже 31 декабря. Без пятнадцати минут двенадцать. Будешь на голом пирсе Новый год встречать. Никакой аккорд не поможет!

А Белаш как раз думал об аккорде. Есть такая традиция – увольняемые в запас договариваются с командованием и берутся за какую-то тяжелую работу – котел чистят или цистерны. Причем честно, без привлечения молодых все делают. За это сходят с корабля первыми. Но в данном случае Белашу на такой «договор» рассчитывать не приходилось. Если Морозов захочет уволить Белаша под Новый год, то даже и командир корабля с особистом из-за такой мелочи спорить не станет.

– Но зачем тебе наказания? – вдруг смягчился Морозов. – Будешь сотрудничать, и все у тебя по-человечески пойдет. Не хочешь вступать в партию, так мы тебе в другом поможем. Потребуется, например, тебе хорошую характеристику в институт получить, ну и получишь.

Сердце Белаша екнуло. Вот что этот гад напоследок оставил. Значит, не случайно при их первой встрече особист обронил: «Дадим тебе партийную рекомендацию. Вступишь потом на заводе, на стройке... в институте...» В институте... Морозов знает свое дело. Давит туда, куда следует давить. Как будто клешней защемил и крутит, вертит, чтоб было больнее. Белашу нужна характеристика. Без нее Вадиму будет очень сложно осуществить задуманное. Но он продолжал молчать, он научился терпеть.

Особист, однако, больше не наседа. Усмехнувшись, отпустил его:

– Иди и еще раз хорошенько подумай. Я тебя вызову. Только не разочаровывай меня больше.

И вот вызвал. Это будет их третья встреча. И теперь не отбреешься. Или Белаш начнет сотрудничать с Морозовым, или тот начнет превращать последние дни Вадима на корабле в ад, и к тому же постарается испоганить все его гражданские планы.

Белаш неспеша доел, допил компот. В кубрик влетел Слепа:

– Отпустил дежурный на пятнадцать минут!

Рассыльный молча принял за «чифан». Он ничего не сказал Вадиму, так как уже сделал свое дело: доложил Морозову, что передал «приглашение». Хочешь не хочешь, а идти придется.

Белаш встал из-за бака, посмотрел на Пасько, выуживающего ложкой из чайника разбухшие компотные абрикосины. Тот все понял:

– Пойдешь?

– Пойду.

Не успел Вадим и шага сделать, как по трансляции объявили:

– «Новому дежурству и вахте построиться для развода на юте...»

И тут же из кубрика второй башни выглянул дневальный:

– Белаш, к телефону!

Непонятно почему, но у дальномерщиков-визирщиков не было в кубрике телефона, а у вот у комендоров был. Поэтому для того, чтобы поговорить с каким-нибудь постом на корабле, матросам носовой группы управления всегда приходилось ходить к соседям.

Вадим взял трубку и услышал:

– Белаш? Это дежурный по кораблю. Заболел ютовый. Срочно подменить!

В другое время Вадим изматерился бы. И так стоят на вахте сутки через двое, а то и сутки через сутки. И тут еще вне очереди. Но сейчас Белаш очень обрадовался. Однако, вернувшись в кубрик, спокойно кивнул Слепе:

– Если Морозов снова за мной пошлет, скажи – я на вахте... Зайду к нему завтра, как сменюсь...

– А картошечка? – жалобно чуть ли не простонал опустошивший свою миску Шуша. Он, видимо, предвкушал дополнительный, вкусный «чифан», который «жители» КДП собирались приготовить после ужина.

– Тоже завтра, – кивнул Вадим и стал собираться на вахту.

«Сердца матросские нежности полны»

Темнов был очень доволен тем, что корабль просто перейдет из Владивостока в Совгавань и все обойдется без стрельб. Поужинав и решив дописать письмо, Олег уселся, устроился на маленьком трапике под иллюминатором между рундуков. Рука было сразу потянулась к нагрудному карману, к книжке «Боевой номер», за калькой-обложкой которой лежал свившийся колечком черный волосок. Но Темнов остановил себя и полез в брючный карман, вытащил немного помявшийся листок бумаги. Положив его на крышку рундука, разгладил ладонью и прочитал про себя ранее написанное:

«Привет!

У меня все хорошо. А по поводу нашего разговора вот что я решил...»

Все было не важно в этом письме. Можно написать дальше хоть про погоду, хоть про «чифан», хоть про то, что снова вышли в море. Все было не важно, кроме одного-единственного слова. Среди любых фраз он должен вставить несколько букв, которые изменят его жизнь. Всю его жизнь.

Олег сжал в кулаке авторучку. Его никто не заставлял. Он мог дописать начатое, а мог не дописать, мог вложить листок бумаги в конверт, а мог выбросить его за борт. Это письмо, как затяжной выстрел. В его руках. Только от него зависело – выстрелит оно или нет. За Темнова никто не решит: ни Карман, ни Гриф, ни командир башни, ни комдив. Все нужно решать самому.

Отодвинув бумагу в сторону, он все-таки достал из нагрудного кармана книжку «Боевой номер», взял черный волосок пальцами обеих рук, потянул: не распрямляется и не рвется. Выпустил один кончик, и снова перед ним было колечко. Олег провел волоском по щеке. Потянул носом, пытаясь найти, уловить знакомый аромат.

Подумав о женщине, Олег вспомнил Аленку, которая обещала его ждать. Сначала письма от нее приходили каждую неделю. И еще открытки: ко дню рождения, к Новому году, к Первому мая – празднику весны и труда. А потом весточки от Аленки стали поступать все реже и реже: раз в две-три недели, раз в месяц, и становились они все короче, и все чаще в них было про погоду, про новые индийские фильмы, которые показывают в кинотеатре. В памяти Олега застряло из какого-то письма: «Все девчонки как с ума посходили – замуж выходят одна за одной...»

Вскоре Аленка перестала писать. Сначала он думал, что это почта задерживает где-то отправления. Но в очередном письме мать между прочим заметила: «Алена твоя вышла замуж за шофера. Парень недавно вернулся из армии...»

Разозлился ли тогда Олег? Нет, так, поморщился. Никому ничего не говоря, открыл такую же, как у многих других матросов, не запрещенную ни уставом, ни особым отделом голубую тетрадку. Перечитал записанные туда собственной рукой строчки:

«На север весна не приходит.
На сопках цветы не растут.
И есть поговорка на флоте:
"Девчонки 3 года не ждут".

Но я в поговорки не верил,
Был молод и верил тебе.
Твое одинокое фото
Всегда я носил при себе.

Но так продолжалось недолго,
Всего лишь полгода прошло,
И что-то случилось с тобою:
Письма от тебя не пришло.

И вспомнил я службу сначала,
И ту поговорку "годка",
Когда он с усмешкой сказал мне:
"Забудь, не дождется она".

Теперь молодые матросы
Верят, как верил и я.
И вам по традиции флота
Скажу: "Не дождется она!"

Обидятся парни немного.
Три года пройдет и поймут:
Девчонки нас ждут лишь два года
Три года девчонки не ждут...»

Перечитал и подумал: «Правда, "девчонки три года не ждут"». Никого из тех, кто отслужил два года рядом с Темновым, клявшаяся в верности подруга уже не ждала. Каждый по-своему воспринимал новость о том, что его девушка вышла замуж или нашла себе нового кавалера. Кто-то ходил несколько дней мрачнее тучи, кто-то заливал горе одеколоном, кто-то порывался бежать с корабля: разобраться и с девушкой, и с ее новым. Некоторые даже пытались свести счеты с жизнью: вешались, вены вскрывали. Однако большинство, так же как и Олег, поморщившись или скривившись, просто перечитывали записи в своих голубых тетрадках:

«Не гонись за девушкой, как за улетевшей чайкой. Знай: завтра прилетит другая!»

«Любовь девушки – как ремень: чем ближе к ДМБ, тем слабее».

«Будет еще небо голубое, будут еще женщины в постели.
Это ничего, что мы, братишка, на три года малость повзрослели!»

«Скорее лев откажется от пищи, чем женщина от ласки моряка»

«Забыть матроса – это подлю,
Не ждать матроса – это грех,
Любить матроса – это гордость,
Встречать матроса – это честь».

«Любить матроса – это риск, зато дожждаться – это подвиг».

«Пишу письмо, бумага рвется.
Рука дрожит и сердце бьется.
Где надо точку – ставлю две:
Тоскую очень по тебе».

«Твое письмо мне как подарок.
Об этом ты не забывай.
Ты посылай его без марок,
Но без любви не посылай».

«Та девушка, что в час разлуки
Сумела верность сохранить,
И не ушла в другие руки
Достойна, чтоб ее любить».

«Хочу домой и побыстрей,
Увидеть всех своих друзей.
Подружку милую обнять,
И по ночам спокойно спать».

«Пусть мы драем палубы, чистим галюны.
Но сердца матросские нежности полны».

«Девчонка на гражданке гуляет,
Бокал поднимает за тех, кто вдали.
И, выпив до дна за тебя, забывает,
Другого пригрев на груди».

«Моряка ждут двое – мать и море».

«Я поднимаю свой бокал,
За тех, кто ждал и не предал,
Я пью за тех, кто всех милей,
Я пью за наших матерей».

Мудрость многих поколений матросов подготовила Олега к тому, что Аленка его, скорее всего, не дождется. Узнав от матери, что девушка выходит замуж за парня, который недавно отслужил, Темнов подумал, что, вернувшись, легко найдет себе другую. Может быть, точно так же просто украдет у какого-то солдата или матроса. Это жизнь. «Сегодня – тебя, завтра – ты», – говорил Бугор. И Олег с ним соглашался, как соглашался и с тем, что записал себе дальше в голубую тетрадку, с тем, чему не учат ни в школе, ни в ПТУ:

«Военкомат – страна чудес,
Зашел туда – и там исчез».

«Сурова жизнь, коль молодость в бушлате и юность опоясана ремнем!»

«Придержи свои нервы, братишка,
Стисни зубы и ровно дыши.
Ты не первый и ты не последний,
Все служили, и ты отслужи».

«Тому, кто видел корабли
Не на конфетном фантике,
Кого еб. и, как нас еб. и,
Тому – не до романтики...»

«Кто служил, тот в цирке не смеется!»

«Военная служба ума не дает, но дурь вышибает».

«Дайте матросу точку опоры, и он сразу же уснет».

«Куренье сокращает жизнь, а перекур – службу!»

«Запомни сам, матрос, и передай другому: чем больше спишь, тем ближе к дому».

«ДМБ – не девушка, мимо не пройдет!»

«Моряк должен уметь подходить к причалу, к столу и к женщине».

«Моряк никогда не бывает пьян – его просто качает».

«Не судите, девчонки, матроса,
Если видите, что сильно он пьян.
Лучше в душу к нему загляните,
И увидите, сколько там ран».

«Отец и Мать, вы ждете сына,
Дай бог здоровья вам на век.
Для офицера – я скотина,
Для вас я – сын и человек».

«Матрос! Помни! Когда ты спишь – противник не дремлет! Спи больше, изматывай врага бессоницей!»

«Труд для матроса – это праздник.
А какой дурак в праздник работает?»

«Я в золотой готов коляске
Екатерины прах возить
За то, что продала Аляску,
А то пришлось бы там служить».

«Военная служба – это доменная печь, из одних получается сталь, из других шлак».

«Военная служба – это единственное место, где можно узнать, любят тебя или нет».

«Военная служба – это единственное место, где не жалеешь о прошедшем дне».

«Военная служба – это однообразие, доведенное до безобразия».

«Военная служба – это школа для мужчин, а для девушек суровый экзамен на верность и выносливость».

«Жизнь – это книга. Военная служба – это страницы, вырванные из этой книги. На самом интересном месте...»

«Поверь братан, наступит час,
Построят нас в последний раз,
И зачитают нам приказ,
Об увольнении в запас».

«Братуха, верь! Взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Когда из списков этой части
Исчезнут наши имена».

«Кто не был – тот будет, кто был – не забудет!»

«Такую вот службу я, сын, отслужил.
И сейчас презираю всех тех, кто косил...»

«Я здесь пишу не для забавы,
Не для того, чтоб много знать,
А для того, чтоб на гражданке
Все эти годы вспоминать...»

Олег аккуратно вложил черный волосок в книжку «Боевой номер», вернул ее на место. Снова взялся за недописанное письмо. Перечитал:

«Привет!

У меня все хорошо. А по поводу нашего разговора вот что я решил...»

Набрал полную грудь воздуха и продолжил письмо следующими словами:

«...надо все-таки за собой больше следить. Тогда и командиры и корефаны будут более уважительны. Так что хочу...»

Олег выдохнул, сделал паузу, вздохнул, посмотрел на дневального, на кубрик и снова, набрав полную грудь воздуха, написал то, что должен был:

«...хочу купить себе новую бескозырку, а то старая совсем поистрепалась...»

После этих, многое значащих для получателя слов все пошло гораздо легче. Он написал и про отвратительную местную погоду, и про «чифан», и про то, что снова вышли в море. Закончив с письмом, Олег старательно вывел на конверте буквы адреса, цифры индекса. Наслюнил было палец, но потом вытер его о робу: заклеивать не стал. Сунул письмо в тот же брючный кар-

ман. Думал, что, покончив с посланием, успокоится, но расслабиться не удавалось: как будто все-таки не доделал что-то. Олег попенял себе: надо бы сейчас же заклеить конверт и послать дневального, чтобы тот сходил до помещения клубной команды и бросил послание в почтовый ящик. Тогда уже точно будет покончено с письмом, и можно забыть про него. Но что-то скребло на душе, что-то мешало сейчас же довести дело до конца. Темнов догадывался, что это за «что-то», но не хотел думать о нем. Чтобы отвлечься и расслабиться, направил мысли на другое. Вспомнил, как, простившись с родными и Аленкой, прибыл в «учебку» на Русский остров: «Я не забуду много лет, прозрачный суп и черный хлеб...»

Но и о проклятой «учебке» Олегу думать тоже не хотелось. Гораздо приятнее было вспоминать жизнь после Русского острова. Темнов не только попал на флагман Тихоокеанского флота, но и отправился в увлекательное путешествие на край света.

Повеселев от приятных мыслей, Олег даже стал напевать про себя песенку из голубой тетрадки:

«Я моряк, красивый сам собою,
Мне от роду двадцать лет,
Полюбил девицу всей душою,
Без любви веселья нет.

По морям, по волнам,
Нынче здесь, завтра там.
По морям, морям, морям, морям, эх,
Нынче здесь, а завтра там.

Я моряк, с акулами знаком,
Я с пеленок вырос моряком,
У меня дорога широка,
Вот какой характер моряка.

По морям, по волнам,
Нынче здесь, завтра там...»

Немногим призывникам повезло, как Темнову, прошедшему столько океанов и морей. О таком приключении можно рассказывать и детям, и внукам. Слушать будут, раскрыв рты. Столько дальних стран ему удалось повидать...

Полька-бабочка Воронка

Воронок ждал возвращения музыкантов, которые, как и все после отбоя приготовления корабля к бою и походу, сразу же ушли на большой сбор. Прохаживаясь по кубрику, Сергей чувствовал себя очень необычно: казалось, дрожит не только палуба под ногами, но и что-то в животе, а еще немного нарушилась координация движений. Приятного в этом было мало, но он не сомневался, что привыкнет к морскому волнению. За несколько дней на корабле Воронок много к чему приспособился, многому научился. Он уже свыкся с тем, что по утрам матросов поднимает гимн Советского Союза. Раньше Сергей любил эту красивую, торжественную мелодию, но теперь ненавидел и не понимал: какой дурак придумал будить ею спящих пацанов?

Соскочив утром со шконки и уже не удивляясь, что Бес и другие усатые продолжают спать, Воронок привычно выбегал на верхнюю палубу, затем по трапу на стенку, где экипаж, представленный, в основном, молодыми матросами, делал утреннюю зарядку. Немного помахав руками, проснувшись и разогревшись, Сергей возвращался в кубрик и, убирая свой матрас с рундуков, наблюдал, как командир оркестра стаскивает со «шконок» недовольных таким пробуждением усатых.

Пока Воронок ходил в галюн, Кориго уже возвращался в кубрик с завтраком. После приема пищи Сергей теперь уже вместе со всеми выходил на утреннюю поверку. Большинство усатых, правда, на верхнюю палубу подниматься не собирались:

– Скажете, что я после вахты... А я – перед дежурством... Я – на вахте, за дневального пока посижу...

Так что выстраивались в два ряда на корме-«юте» корабля большей частью опять же молодые матросы. Офицеры, которые появлялись перед строем в полном составе, матерились и засылали гонцов по кубрикам, пытаясь вытащить наверх всех «послепередвахтенных». Но усатые все равно не выходили, и командирам не оставалось ничего другого, кроме как доложить:

– Весь личный состав подразделения построен за исключением тех, кто находится на вахте...

Под звуки оркестра вахтенный старшина поднимал военно-морской флаг на флагштоке. После этого старший помощник корабля зачитывал разные инструкции, приказы по флоту и флотилии. На старпома очень неодобрительно смотрел отвечающий за состояние верхней палубы главный боцман: ему очень не нравилось, что Хайлюк, будучи малого роста и желая видеть всех, забирался ногами на грибок вентиляции. Воронку объяснили, что нельзя браться за поручни-«леера» на бортах, вставать на крашенные части и любые механизмы. Но старпом вот себе позволял...

После построения была утренняя приборка, в которой и Воронок также теперь принимал участие. «Тянуть» палубу было не так уж сложно. Единственное, что делать это полагалось быстро, так что пару раз он упал и «подмочил свою репутацию».

Оказалось, что не только приборку, но и все на корабле нужно делать бегом. Особенно нельзя медлить на трапе: легко можешь получить пинка от тех, кто за спиной. Так что Воронок поспешал, громко стуча каблуками по балясинам. Более опытные матросы не сбегали, а съезжали по трапу, опираясь руками на поручни.

После приборки на корабле начинались проворачивание механизмов на боевых постах, следом – учебные занятия, тренировки, а у корабельного оркестра – репетиции. Воронок и Удод посвящали это время изучению корабля, распорядка дня и приведению формы в порядок.

Кориго помог Сергею с помощью бритвенного лезвия обрезать голенища сапог, которые выдали в экипаже:

– Это же корабль, а не казарма. Неудобно здесь с таким длинными голенищами...

Так что получились у Воронка кирзовые «полусапожки». Никто на них не обращал внимания, но Сергею, конечно, очень хотелось иметь настоящие матросские ботинки на резинках – «прогары». Выдадут ему такие, однако, еще только через год.

Также Кoryто помог сделать новые погоны по трафарету: экипажеские на корабле «не котиривались». Для изготовления «правильных» брался кусок старой рубы, выкраивался «квадратик» и на него через вырезанные буквы краской наносилось «ТФ» – Тихоокеанский флот. Трафаретом же сделали Воронку и надпись на нашивке нагрудного кармана. На ней указывается боевой номер, пропечатываемый черной краской по белой основе. На эту белую основу пошли кальсоны, которые выдали в экипаже. Когда в кубрике их увидели среди прочих вещей аттестата, то долго ржали:

– Солдат что ли? Матросы кальсонов не носят.

Так что чистые кальсоны пошли на изготовление боевого номера. Остатки «солдатского» нижнего белья Кoryто посоветовал сохранить и использовать для изготовления подворотничков для «сопливчика». Их подшивают, чтобы следить за чистотой шеи. Три подворотничка, вместе с другим вещевым аттестатом, выдают раз в год, но через несколько стирок от них ничего не остается. Так что приходится изготавливать «подшивку» из подручного материала: большей частью из кальсонов и рваных простыней.

Пока трафаретили, Кoryто объяснил Воронку:

– Боевой номер присваивается на корабле мичманам, старшинам и матросам. Он состоит из трех частей: первая часть – цифра или буква – указывает, в какой боевой части или службе ты находишься согласно расписанию по боевой тревоге. Вторая часть указывает номер боевого поста. Третья часть определяет принадлежность к боевой смене. Каждый матрос на корабле отвечает за определенный пост, заведование, и его роль никто другой не дублирует.

Попутно Сергей также узнал, что на корабле несколько боевых частей: штурманская – БЧ-1, ракетная (ракетно-артиллерийская, артиллерийская) – БЧ-2, минно-торпедная – БЧ-3, связи – БЧ-4, электромеханическая – БЧ-5, авиационная – БЧ-6, радиотехническая – БЧ-7. На «Суворове» не было ни минно-торпедной боевой части, так как во время модернизации с крейсера сняли торпедные аппараты, ни БЧ-6, так как не имелось самолетов и вертолетов. Сергей уже знал, что на корабле нет лишних людей: все члены оркестра относились к БЧ-2 и по боевому расписанию были артиллеристами – вспомогательным, «приходящим» личным составом. Музыканты, а вместе с ними и корабельные писари, почтальон, библиотекарь, сапожник, киномеханик, становятся к элеваторам, подающим снаряды и заряды из артиллерийских погребов наверх к орудиям. Воронок числился «приходящим» в зарядном погребе первой башни главного калибра. Так как он еще не был допущен к исполнению обязанностей, то перед первой цифрой боевого номера ему временно поставили цифру «0».

Бес дал Воронку и саму книжку «Боевой номер», в которой расписаны обязанности согласно присвоенным цифрам:

– Здесь есть все, что ты обязан знать и делать по всем корабельным расписаниям. Потеряешь – убыю. Все книжки «Боевой номер» – на особом учете. Ты должен всегда носить книжку при себе в нагрудном кармане и знать свои обязанности наизусть. Так что учи...

Воронок заглянул в книжку: «Расписание по боевой тревоге (боевая готовность № 1) ... Расписание по боевой готовности № 2... Расписание по приготовлению корабля к бою и походу... Расписание по борьбе за живучесть корабля... Расписание по борьбе с подводными диверсионными силами и средствами (ПДСС)... Расписание по приему (сдаче) оружия и боеприпасов...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.